

КАРЛЬ МАРКСЪ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ Г. Ю. ЖУКОВСКАГО.

Въ старые годы у насъ были въ большой модѣ сѣтования на «разрушение авторитетовъ», которымъ, будто бы, систематически занималась извѣстная часть литературы. Нельзя сказать, чтобы сѣтования эти теперь совсѣмъ прекратились. Такъ, еще недавно г. Градовскій, въ полемикѣ изъ-за «примиренія» съ Польшей, поднялъ изношенный упрекъ въ недостаточномъ уваженіи къ авторитетамъ отечественнымъ, доморощеннымъ. Но нынѣ подобные упреки и сѣтования являются, во всякомъ случаѣ, рѣже, какъ-то спорадически. Зависитъ это отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ едва ли не самая важная состоять въ измѣненіи персонала и характера самихъ авторитетовъ. Въ сущности, ведь это—совсѣмъ вздоръ, это негодованіе на разрушеніе авторитетовъ. Авторитетовъ въ принципіѣ, авторитетовъ вообще никогда никто не защищалъ: защищались только тѣ или другие авторитеты, тѣ именно, которые защищающей признавались авторитетами, что и естественно, конечно. Если же аввались возможность и охота прикрывать эти вполнѣ естественные отношенія какимъ-то принципіальнымъ уваженіемъ къ авторитетамъ, такъ единственно потому, что въ извѣстныя времена могутъ претендовать на титулъ авторитетовъ только извѣстнаго рода дѣятели, вслѣдствіе чего они до нѣкоторой степени однородны: защита или отверженіе одного изъ нихъ представляется защитой или отверженіемъ всѣхъ остальныхъ, а отсюда до авторитетовъ вообще, до самого принципа научнаго авторитета—уже рукой подать. Люди, извергавшіе потоки сѣтованій на разрушеніе авторитетовъ, огнью не вымерли. Но они вовсе не склонны признавать авторитетами нынѣшніе авторитеты, напримѣръ, Дарвина въ біології, Канта или Спенсера въ философіи, Маркса въ политической экономіи, Бокка въ исторіи и т. п. Встрѣчая въ литературѣ критическое отношеніе къ этимъ новымъ авторитетамъ, они поэтому не запѣваютъ своей старой пѣсни, но, напротивъ, съ большими удовольствиемъ потираютъ руки. Дѣло житейское, простое. И хоть такая терпимость къ критикѣ очень одностороння и ненадежна, но это все-таки лучше, чѣмъ волни о разрушеніи авторитетовъ, волни, прямо сказать, лицемѣрные, не честные и

глубоко вредные.' Вредны они не только потому, что могут терроризировать общество и литературу, задерживать ихъ правильное развитие: они способны возбудить еще иную, внутреннюю, въ своемъ родѣ не менѣе пагубную реакцію. Представьте себѣ, что господа охранители неприкосновенности авторитетовъ, всѣ эти господа Катковы, Мещерскіе и какъ ихъ тамъ еще зовутъ, при каждомъ критическомъ замѣчаніи насчетъ Дарвина, Конта, Спенсера, Маркса, Бокля, становятся на дыбы и приходить въ ужасъ отъ разрушенія авторитетовъ. Невѣроятно комическій характеръ этихъ сценъ не долженъ скрывать отъ насть совсѣмъ некомическая сторону дѣла. Подобныя ламентации, при достаточной извѣдливости, могутъ, по закону реакціи, вызвать въ читателяхъ столь чрезмѣрное преклоненіе передъ авторитетами Дарвина, Конта и т. д., что потомъ, можетъ быть, годы понадобятся на отдѣленіе пшеницы отъ пшевель въ писаніяхъ этихъ современныхъ авторитетовъ. По какимъ бы, значитъ, причинамъ ни призатихли голоса противъ «разрушенія авторитетовъ» — этому можно радоваться. Есть писатели, до такой степени сильно вооруженные самою природою или усдѣчивымъ трудомъ, до такой степени способные поработить мысль читателя, что строго критическое отношеніе къ нимъ, уже само по себѣ, независимо отъ результатовъ критики, можетъ принести значительную пользу. Само собою разумѣется, однако, что результаты критики, т. е. указанія на дѣйствителю слабыя и дѣйствительно сильныя мѣста разбираемаго писателя, составляютъ при этомъ необходимое условіе. Просто взять да облаять человѣка, не показавъ ничего, кроме собственного ненѣжества или недобросовѣстности или легкомыслия, безъ сомнѣнія, очень не трудно, но зато и нисколько не полезно. Никакого «разрушенія авторитетовъ» тутъ не будетъ, а будетъ только срамъ для самого критика. Таковъ, напримѣръ, срамъ гг. Антоновича и Жуковскаго, какъ единственный результатъ ихъ попытки «разрушить авторитетъ» Конта.

Къ числу тѣжеловѣснѣйшихъ современныхъ авторитетовъ, способныхъ даже гнетущимъ образомъ дѣйствовать на читателя, принадлежать Карль Марксъ. Рѣдкая логическая сила и громадная эрудиція, признаваемыя даже рѣшительными его противниками, могутъ побудить къ принятію безъ критики и такихъ его положеній, передъ которыми отнюдь не полагается отворять настежь ворота. Возьмемъ примѣръ, который, кроме поясненія высказанной мысли, пригодится намъ и внослѣдствіи.

Въ шестой главѣ «Капитала» имѣется параграфъ, озаглавленный: «Такъ называемое первоначальное накопленіе». Здѣсь Марксъ имѣлъ въ виду историческій очеркъ первыхъ шаговъ капиталистического процесса производства, но далъ кѣчто гораздо большее — цѣлую философско-историческую теорію. Она очень любопытна вообще, очень любопытна для наст., русскихъ въ особенности.

Капиталистический процессъ требуетъ для своего осуществления и развитія наличности двухъ разрядовъ людей: во-первыхъ, на лицо долженъ быть собственникъ денегъ, средствъ производства и существованія, желающій увеличить принадлежащую ему сумму цѣнностей покупкою чужого труда; во-вторыхъ, на лицо долженъ быть продавецъ труда, свободный работникъ. Рабъ или крѣпостной для этого не годится, не годится и крестьянинъ, имѣющій собственное хозяйство. Какъ участникъ капиталистического способа производства, работникъ ни самъ не долженъ принадлежать къ условіямъ производства, ни эти условія не должны принадлежать ему. Сообразно этому, первоначальное накопленіе есть процессъ отдѣленія работника отъ условій труда или средствъ производства или собственности. Исторія показываетъ, что вездѣ въ Европѣ процессъ этотъ начался вскорѣ послѣ паденія крѣпостного права. Главные моменты его слѣдующіе. Уничтоженіе феодальныхъ дворовыхъ выбросило на рынокъ труда громадную массу пролетаріевъ, совершенно свободныхъ въ двоякомъ смыслѣ, нужномъ для капиталистического производства. Такой же результатъ имѣла реформація, сокращеніемъ или уничтоженіемъ феодальныхъ правъ церкви и ея представителей, распущеніемъ монастырскихъ населеній и проч. Рядомъ съ этими факторами, вытекающими непосредственно изъ разрушенія крѣпостного права, дѣйствовала рычагъ прямого насилия. Насильственно или обманнымъ образомъ отчуждались государственные и церковныя имущества, захватывались подъ разными предлогами и разными способами общины крестьянскія земли; феодальная, т. е. условная собственность превращалась въ безусловную частную собственность. Парламентскими и не парламентскими формами насилия, носившими громкіе титулы «біль о включеніи общинныхъ земель», «очищенія имѣній», а то и никакихъ титуловъ не носившими, крестьянскія земли были экспроприированы, чтѣ уже само по себѣ отрывало земледѣльца отъ условій его труда. Затѣмъ пахатныя земли обращались въ пастбища, выгоны, а выгоны, въ свою очередь, въ парки. Всѣмъ этимъ земледѣльцу усиленно гнался съ земли. Появились цѣлые толпы бродагъ, нищихъ, разбойниковъ, противъ которыхъ правительства издавали чисто драконовскіе законы. Куда же было дѣваться всѣмъ этимъ согнаннымъ съ земли бродагамъ? Или назадъ, на землю, въ батраки къ новымъ землевладѣльцамъ и ихъ арендаторамъ, или въ города, въ составъ промышленныхъ армій для возникающихъ мануфактуръ. Заморскія события, въ родѣ открытия американскихъ золотыхъ и серебряныхъ мѣсто-рожденій, истребленіе и порабощеніе туземныхъ населеній, превращеніе Африки въ поле охоты за неграми, торговые войны, международный кредитъ—всѣ эти міровыя события способствовали разъ начавшемуся отлученію труда отъ собственности, работника отъ условій производства. Такимъ образомъ, первоначальное накопленіе есть формальное измѣненіе отношеній, именно —

превращение рабовъ и крѣпостныхъ въ наемныхъ работниковъ, и въ то же время экспроприація непосредственныхъ производителей, т. е. уничтоженіе частной собственности, основанной на собственномъ труда. Это былъ трудный, мучительный и долгій, вѣковой, но въ то же время необходимый процессъ. Средневѣковые формы самостоятельности земледѣльца и ремесленника, имѣющихъ въ своихъ рукахъ орудія производства, предполагаютъ раздробленіе земли и орудій. Эти формы противятся введенію кооперации, раздѣленію труда, общественному господству надъ природой — словомъ, исключаютъ развитіе общественной производительной силы. На извѣстной степени развитія этотъ порядокъ вещей самъ выдвигаетъ материалы для своего разрушенія. «Уничтоженіе его, обращеніе индивидуальныхъ и раздробленныхъ средствъ производства въ общественно сосредоточенныя, т. е. обращеніе мелкой собственности многихъ въ громадную собственность немногихъ, т. е. экспроприація земли, средствъ существованія и орудій труда у большихъ народныхъ массъ, эта ужасная и трудная экспроприація народа образуетъ первоначальную исторію капитала». Но процессъ на этомъ не останавливается. Въ силу «имманентныхъ законовъ» самого капиталистического производства идетъ дальнѣйшее «обобществленіе» (Verge-sellschaftung) труда. На этотъ разъ экспроприруются уже не рабочіе, а сами капиталисты. Однѣ капиталисты побиваются другъ, немногіе экспроприруютъ многихъ, числомагнатовъ капитала сокращается, средства производства сосредоточиваются все въ меньшихъ рукахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, развивается «кооперативная форма рабочаго процесса, сознательное технологическое приложеніе науки, пѣлесообразная эксплуатациія земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыхъ могутъ прилагаться только сообща, и экономизированіе всѣхъ средствъ производства посредствомъ употребленія ихъ, какъ общихъ средствъ производства комбинированного, общественного труда». Рядомъ со всѣми ужасами нищеты, униженія, гнета, которыми этотъ процессъ обрушивается на массы, идетъ обученіе, объединеніе, организация этихъ массъ «самымъ механизмомъ капиталистического процесса производства». И, наконецъ, капиталистическая оболочка не выдерживаетъ этого «обобществленія»: «экспроприрующіе экспроприруются». «Капиталистический способъ производства и присвоенія, а, следовательно, и капиталистическая частная собственность есть отрицаніе индивидуальной частной собственности, основывающейся на собственномъ труда. Отрицаніе капиталистического производства производится имъ же самимъ и неизбѣжностю собственного процесса. Это — отрицаніе отрицанія. Оно слова возстановляетъ индивидуальную собственность, но на основаніи приобрѣтеній капиталистической эры, т. е. на основаніи кооперации свободныхъ работниковъ и ихъ общинного владѣнія землею и средствами производства, произведенными самими работниками». Этотъ обратный процессъ долженъ завершиться не-

сравнено быстрѣе, чѣмъ процессъ экспроприаціи массъ. (Стр. 613—650 русскаго перевода).

Вотъ, въ сжатомъ видѣ, философско-исторический взглядъ Маркса. Онъ отнюдь не случайно имъ высказанъ въ главѣ о «первоначальномъ накопленіи» и подкрѣпляется множествомъ мѣстъ въ огромномъ томѣ «Капитала», а равно и въ другихъ сочиненіяхъ Маркса. Представимъ себѣ теперь русскаго человѣка, который увѣровалъ бы въ истинность этой исторической теоріи. Случай, очень возможный, такъ какъ Марксъ и общей своей научной физіономіей способенъ винуть безграницное довѣріе, и, въ частности, приведенная его историческая теорія обставлена, въ фактическомъ отношеніи, съ большою роскошью, а въ отношеніи логическомъ представляетъ, во всякомъ случаѣ, нѣчто страйное, дѣльное, а потому соблазнительное. Такой русскій человѣкъ, если только онъ живеть не исключительно головой, не относится безучастно къ практикѣ жизни, окажется въ чрезвычайно странномъ и трудномъ положеніи. Тотъ обовоострый, странный и вмѣстѣ благодѣтельный, непреоборимый процессъ «обобществленія» труда или, вѣрнѣе, та форма обобществленія, которую излагаетъ Марксъ, у насъ на святой Руси очень мало подвинулась впередъ. Крестьянинъ напѣтъ далеко не въ такой мѣрѣ «свободенья» отъ земли и орудій производства, въ какой это необходимо для пышнаго развитія капиталистического производства. Напротивъ, несмотря па его печальное положеніе, какъ землѣдельца и землевладѣльца, многія обстоятельства, даже помимо его собственныхъ инстинктовъ, держать его у земли. Съ другой стороны, капитализы наши представляютъ въ сравненіи съ европейскими нѣчто крайне мизерное. Слѣдовательно, намъ предстоитъ еще пройти вслѣдъ за Европой весь тотъ процессъ, который описалъ и возвелъ на степень философско-исторической теоріи Марксъ. Разница, однако, въ томъ, что намъ придется повторить процессъ, т. е. совершилъ его сознательно. По крайней мѣрѣ, его долженъ сознавать тотъ русскій человѣкъ, который увѣровалъ въ непреложность исторической теоріи Маркса. Марксъ не скрывается, конечно, тѣжелыхъ и возмутительныхъ сторонъ процесса. Напротивъ, онъ ставить ихъ, что называется, ребромъ. Считаю не лишнимъ привести здѣсь слѣдующую его желчную выходку: «Если на европейскомъ континентѣ вліяніе капиталистического производства, которое подкапываетъ подъ человѣческую расу посредствомъ чрезмѣрного труда, дѣленія труда, подчиненія его машинамъ, калѣченія незрѣлыхъ и женскихъ организмовъ, дурной жизни и т. п., будетъ развиваться, какъ это было до сихъ поръ, рука объ руку съ конкуренціей en grand на поприщѣ народной солдатчины, государственныхъ долговъ, налоговъ, изящнаго веденія войны и т. п., то все это можетъ сдѣлать, наконецъ, неизбѣжнымъ обновленіе Европы посредствомъ кнута и насилиственного смѣщенія европейской крови съ калинцою, о чёмъ такъ ревностно пророчествуетъ одинъ полурусскій и вполнѣ

и въ «москвичъ». Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ балетристъ, сдѣлать свое открытие «русскаго» коммунизма не въ Россіи, а въ сочиненіи прусскаго региуинграта Гакстаузена» (613). Не входя въ подробности этой выходки, въ эти «кнуты» и «калипку кровь», уже изъ общаго ея тона не трудно видѣть, какъ долженъ, съ своей точки зрењія, относиться Марксъ къ попыткамъ русскихъ людей найти для своего отечества путь развитія, отличный отъ того, которымъ шла и идетъ Западная Европа, къ попыткамъ, для которыхъ, какъ это уже много разъ доказывалось, вовсе нѣтъ надобности быть славянофиламъ или мистически вѣровать въ особы высокія качества национального русскаго духа: надо только извлекать уроки изъ европейской исторіи. Однако, изъ той же выходки Маркса можно усмотретьъ, до какой степени трудно обойтись намъ безъ подобныхъ попытокъ. Въ самомъ дѣлѣ русскому народу и безъ того выпала слишкомъ не легкая доля, чтобы набавлять еще къ этому итогу указываемыя Марксомъ способы «сподкапыванія подъ человѣческую расу». Выходка Маркса, разумѣется, чисто ироническая. Онъ вполнѣ увѣренъ, что для обновленія Европы не понадобится никакія постороннія средства, ибо къ обновленію ее приведеть внутренній процессъ ея собственнаго развитія путемъ обобществленія труда. И ему хорошо иронизировать, когда значительная и тягчайшая часть этого процесса уже совершилась, но вѣдь мы въ иномъ совсѣмъ положеніи. Всѣ эти «кальченія незрѣлыхъ и женскихъ организмовъ» и проч. намъ еще предстоять, и мы, съ точкы зрењія исторической теоріи Маркса, нетолько не должны протестовать противъ этихъ кальченій, чтѣзначило бы прать противъ рожна, но даже радоваться имъ, какъ необходимымъ, хотя и крутымъ ступенямъ, ведущимъ въ храмъ счастія. Трудно выѣстить изъ себѣ такое противорѣчіе, которое терзало бы душу русскаго ученика Маркса на каждомъ шагу въ томъ или другомъ частномъ приложениі. Ему предстоитъ развѣ роль наблюдателя, съ безъ-страстіемъ Пимена заносящаго въ лѣтопись факты об юдоостраго прогресса. Принимать же въ немъ активное участіе онъ не можетъ. Для мерзостной стороны процесса онъ совсѣмъ не годится, а всякая дѣятельность, соответствующая его нравственнымъ требованиямъ, только задержить, затянуть процессъ. И недалъ его, если онъ—ученикъ Маркса, состоять, между прочимъ, въ совпаденіи труда и собственности, въ принадлежности рабочему земли и орудій и средствъ производства. Но въ то же время, если онъ—ученикъ Маркса со стороны философско-исторического взгляда послѣднаго, онъ долженъ радоваться разлученію труда и собственности, расторженію связи между работникомъ и условіями производства, какъ первымъ шагамъ необходимаго и, въ концѣ концовъ, благодѣтельного процесса. Онъ долженъ, следовательно привѣтствовать ниспроверженіе зачатковъ собственного идеала. Конечно, такое столкновеніе нравственного чувства съ исторической необходимостью должно разрѣшиться въ пользу необходимаго «москвича».

дности. У иного нравственное чувство можетъ и противъ смерти возмущаться, но вѣдь придется время, и оно, со всѣмъ своимъ нравственнымъ протестомъ, уложится въ такой же гробъ, въ какомъ лежать и никогда не проголосовавшіе. Но дѣло въ томъ, что надо же довольно знать, что исторический процессъ, дѣятельно, неизбѣжно таковъ, какимъ его рисуетъ Марксъ. Мы сейчасъ увидимъ, какія поправки къ теоріи можно заимствовать у самого Маркса. Но ясно, во всякомъ случаѣ, что мы должны сѣмь разъ подумать прежде, чѣмъ одинъ разъ отрѣзать себѣ всѣ пути, кроме указаннаго нѣмецкимъ экономистомъ. Нужна, слѣдовательно, критика.

И вотъ мы имѣемъ критику. Ее представилъ г. Ю. Жуковскій въ № 9 «Вѣстника Европы».

Мы не въ первый разъ приходится говорить объ этомъ писателѣ, то есть о г. Жуковскомъ; и я имѣю нѣкоторое основаніе гордиться своими прежними обѣ имѣть разговорами, потому что въ нихъ заключались, между прочимъ, предсказанія, очень быстро оправдавшіеся, а предсказанія эти вытекали изъ общей характеристики г. Жуковского, какъ писателя; слѣдовательно, и характеристика содержитъ въ себѣ, надо думать, хоть верно истины. Позволю себѣ напомнить эту характеристику въ новомъ видѣ — образомъ павлина. Да, г. Жуковскій представляетъ себѣ образъ и подобіе павлина, который, когда распускаетъ свой разноцвѣтный хвостъ, бываетъ чрезвычайно великолѣпенъ и выступаетъ тѣль гордо, что даже слѣды ногъ его имѣютъ, повидимому, въ его глазахъ чрезвычайно важное значеніе; ио, такъ какъ собственная природа павлина обязываетъ его временно отъ времени опускать хвостъ, то онъ и заметаетъ послѣднимъ свои слѣды, впредь до нового распущенія разноцвѣтнаго хвоста. Такъ именно ведетъ себя г. Жуковскій. Началь онъ свою литературную дѣятельность давно уже, столь давно, что, повидимому, и сѣмь забыть это начало, то есть, опустивъ хвостъ, замѣтъ имъ собственные слѣды. Началь онъ съ идеи необходимости реформировать юридическую науки при помощи политической экономіи. И хота, въ частности, этой идеи онъ и до сихъ поръ не забыть, но предвозвѣщеній реформы не произвелъ, не произведеть и не можетъ произвести. Не произвелъ потому, что, отложивъ свою цѣль въ сторону, посвятилъ себѣ орудію, то есть политической экономіи. Не произведеть и не можетъ произвести потому, что оказалась необходимость новой реформы — реформы самой политической экономіи при помощи математического анализа. Съ весьма большой помошью была восвѣщена эта новая реформа, но ее постигла участъ первой: г. Жуковскій занялся орудіемъ, то есть дифференциальнымъ и интегральнымъ исчисленіемъ, и до такой степени забылъ цѣль, что одно времѣнь серѣзно думалъ, будто переводъ теоріи Рикардо съ языка словъ на языкъ математическихъ знаковъ есть настоящее приложение математического анализа къ экономическимъ явленіямъ Въ тоже времѣнь,

провозглашена была еще одна реформа — реформа всей разсчитанной храмины общественныхъ наукъ при помощи физики и именно механической теоріи. Однако, и эта реформа осталась въ проектѣ и все по той же причинѣ: г. Жуковскій пристрастился къ орудію, физикѣ, и принялъся за сочиненіе по теоріи свѣта, котораго хотя до сихъ поръ не написалъ (по крайней мѣрѣ, не издалъ), но о которомъ еще въ 1871 году объявилъ въ газетахъ. Такъ-то подвигался г. Жуковскій — не знаю уже впередъ ли, назадъ ли, вправо или влѣво, но вообще въ пространствѣ, периодически распуская пышный хвостъ и замѣтая имъ же свои собственные слѣды, постоянно оставляя, какъ говорить французы, quelque chose à deviner, постоянно давая понять, что есть у него въ запасѣ такой секретъ, такой секретъ... который онъ разскажетъ въ слѣдующій разъ.

Неизвѣстный литературу хроникёр «Съвернаго Вѣстника», воздавъ должное «Вѣстнику Европы», замѣчаєтъ: «Это — не то, что тѣ его собраты, которые то и дѣло кокетничаютъ съ читателемъ, взыгая за кулисы, обѣщаю показать тамъ нѣчто любопытное, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, тамъ не оказывается ничего, кроме фарса». Какихъ «собратовъ» почтенного журнала имѣть въ виду хроникёр, онъ не говоритъ, да и намъ и незачѣмъ знать. Но если имѣть въ виду не журналы, а отдѣльныхъ писателей, то не найдется между ними ни одного, къ которому приведенная характеристика пришла бы лучше, чѣмъ къ г. Жуковскому. (Она очень идетъ и къ самому хроникёру, но до него намъ здѣсь дѣла нѣть).

Пообщать громадную реформу науки и дать переложеніе давно извѣстной теоріи съ одного языка на другой — развѣ это не значить пообщать «нѣчто любопытное» и дать «фарсъ?» Или вотъ, напримѣръ, г. Жуковскій, лѣтъ уже восемь тому назадъ, заявилъ, что ему извѣстны «специальные изслѣдованія дѣйствительно позитивного характера, правда, немногочисленны, но драгоценны въ нравственной литературѣ, можетъ быть, союзъ незнакомыхъ и русскому читателю, и русской журналистики, которые давно отвели свое надлежащее историческое мѣсто и старымъ взглядамъ на этотъ предметъ (на отношеніе математики къ соціологии) позитивистовъ, да и самой позитивной философіи Контъ». И восемь лѣтъ г. Жуковскій держитъ русского читателя и русскую журналистику въ неизвѣстности! Это ли еще не кокетничанье? И это ли еще не фарсъ, если принять въ соображеніе, что драгоценны съ точки зренія г. Жуковскаго страницы «нравственной литературы», неизвѣстны ни русскому читателю, ни русской журналистики, неизвѣстны, въ тоже время, ему самому? Незвѣстны и не могутъ быть извѣстны, по той простой причинѣ, что ихъ нѣть. Увлекшись кокетствомъ, г. Жуковскій сказалъ неправду. Впрочемъ, до такого прямого, завѣдомаго лжесвидѣтельства г. Жуковскій не всегда доходитъ. Кокетству свойственно самому увлекаться затѣянной

ной игрой и до известной степени върить въ присутствие отсутствующихъ достоинствъ. Чѣловѣкъ, до такой степени способный засиживаться на полдорогѣ къ цѣли, на обработкѣ орудій достиженій этой цѣли, естественно склоненъ оставлять *quelque chose à deviner* нетолько читателю, а и самому себѣ. Юридическая наука стоять неудовлетворительно, не имѣть настоящаго научнаго облика; нужно ихъ реформировать при помощи политической экономіи. Хорошо. Догадывался ли читатель статей г. Жуковскаго, какой новый обликъ получать юридическая наука послѣ реформы? Догадывался, но благодаря отнюдь не самому г. Жуковскому, а его обстановкѣ, главнымъ образомъ, опредѣленности физіономіи журнала, въ которомъ г. Жуковскій работалъ. Зналъ ли самъ г. Жуковскій характеръ и содержаніе реформированнаго зданія науки? Въ общихъ чертахъ, по всей вѣроятности, зналъ, но можно уже навѣрное сказать, что о результатахъ второй реформы самъ онъ рѣшительно не имѣлъ яснаго представления, ибо иначе онъ не могъ бы принять переложеніе теоріи Рикардо на математическій языкъ за реформу науки. Здѣсь онъ столько же обманывалъ самого себя, сколько читателей. Нѣкоторыя поверхностныя соображенія толкнули его на путь, совершение для него темный. Онъ и самъ не зналъ, что въ концѣ этого пути нѣтъ ничего, кроме фарса. Онъ и самъ думалъ, что близокъ къ овладѣнію такимъ секретомъ, такимъ секретомъ... который онъ въ состояніи будетъ разсказать въ слѣдующій разъ. Нѣсколько иной характеръ (нѣсколько менѣе похожій на фарсъ) виѣть проектъ третьей реформы, хотя и тутъ г. Жуковскій, очевидно, изложилъ проектъ прежде, чѣмъ составилъ себѣ опредѣленное понятіе о результатахъ его исполненія, и тутъ читатель заманивался въ сферы, таинственные для самого автора. Отсюда нѣкоторая туманность всей литературной физіономіи г. Жуковскаго. Литератуналь дѣятельность слагается изъ двухъ частей: теоретической—научной, и практической—прикладной. Что касается научной стороны дѣятельности г. Жуковскаго, то она естественно не могла до сихъ поръ получить характера законченности и опредѣленности, ибо, провозгласивъ необходимость реформы юриспруденціи при помоши анализа экономического, онъ, вслѣдъ затѣмъ, провозглашаетъ необходимость радикального измѣненія самого орудія этой реформы, то есть политической экономіи; ясно, что непосредственные результаты первой реформы отходить въ сторону, объ нихъ нельзя себѣ составить опредѣленнаго понятія до окончанія второй реформы, а между тѣмъ подоспѣваетъ и еще одинъ проектъ реформы. Эта неопределенность результатовъ научнаго анализа явлений должна, конечно, отразиться и на практической сторонѣ литературной дѣятельности г. Жуковскаго извѣстными колебаніями. И, дѣйствительно, мы видимъ слѣдующее. Первоначально политическій образъ мыслей г. Жуковскаго былъ довольно ясенъ, отчасти опять-таки благодаря журналу, въ которомъ

онъ участвовалъ, а отчасти, благодаря некоторымъ его собственнымъ статьямъ, которыхъ онъ, вѣроатно, теперь не особенно охотно вспоминаетъ. Не буду и я смущать миры его души этими напоминаніями. Затѣмъ г. Жуковскій (въ «Космосѣ») сталъ уже намекать, что его смешили, «ставили въ одинъ разрядъ» съ какими-то «площадными покровами» и что это обстоятельство его очень огорчаетъ. Еще дальние намеки перешли въ прямыя жалобы. Г. Жуковскій сталъ объяснять (въ «Исторіи политической литературы XIX столѣтія»), что онъ «излагалъ только частные выводы экономического анализа» и никогда не забывалъ, что выводы эти должны еще видоизмѣниться въ зависимости отъ «вопроса дисциплины»; что его, г. Жуковскаго, совершенно напрасно упрекали въ недостаточномъ уваженіи къ принципу «дисциплины». Наконецъ, еще дальше, г. Жуковскій пишетъ статью о Карлѣ Маркѣ, въ которой признаетъ начало дисциплины уже «въ полномъ размѣрѣ», какъ онъ любить выражаться, хотя, по старой привычкѣ, все еще даетъ понять, что у него есть такой секретъ, такой секретъ... который, увѣроавась, онъ даже самому себѣ никогда не откроетъ.

Надо отмѣтить еще одну черту г. Жуковскаго, какъ мыслителя и писателя, находящуюся, впрочемъ, въ самой тѣсной связи со всѣмъ вышесказаннѣемъ. Онъ очень любить говорить о различіи между формальнымъ и материальнымъ, между «феноменальнымъ» и «существеннымъ», но не особенно хорошо уяснилъ себѣ действительные различія и предѣлы этихъ логическихъ категорій. Возьмемъ такой примѣръ. Въ виду вашего малокровія, докторъ совѣтуетъ вамъ есть побольше мяса. Вы кушаете битокъ. Подходитъ г. Жуковскій и съ весьма серьезнымъ видомъ, съ готовностью даже пустить въ ходъ математический анализъ, замѣчаетъ, что битокъ вѣдь это — собственно только форма, что мясо можетъ быть приготовлено и въ формахъ ростбифа, бифштекса и проч. Вы отвѣчаете, что это вамъ очень хорошо известно, но что, по обстоятельствамъ, напримѣръ потому, что у васъ зубы плохи, вы предпочитаете форму рубленнаго мяса. — Это такъ, отвѣчаетъ г. Жуковскій: — но все-таки, замѣтьте, что употребление мяса въ формѣ битка несущественно. — Это надобно ли, но, по крайней мѣрѣ, резонно и даже какъ-будто къ дѣлу идеть. Но вотъ г. Жуковскій походилъ, покодилъ, подумалъ, подумалъ и опять къ вамъ: послушайте, вѣдь самое мясо, это что же такое? только форма бытія, форма матеріи, потенциальная сила которой, при известныхъ условіяхъ, преобразуется въ живую силу вашего организма. Это очень справедливо, но къ дѣлу уже вовсе не идеть, что и самъ г. Жуковскій долженъ понимать; но ему тѣлько нравится превратительное отношеніе ко всему формальному и «феноменальному» и третирование за панибрата всего «существеннаго», что онъ можетъ и дальше пойти, заговорить объ томъ, что потенциальная сила есть, собственно говоря, только форма силы, именно сила, находящаяся въ состояніи напряженія. Вѣ-

стѣ съ этимъ, онъ, разумѣется, отойдетъ отъ настоящаго предмета разсужденія за тридевять земель, заманивъ въсе дальше и дальше, въ область существенаго и ничего тамъ не показывая. На дѣлѣ, онъ такъ далекъ отъ пониманія дѣйствительнаго характера употребляемыхъ имъ во вто логическихъ категорій, что можетъ, какъ мы уже видѣли, принять математическую форму изложенія за существенный переворотъ въ науки. Можетъ онъ также употребить такое несообразное выражение, какъ «феноменальное явленіе». Несообразное, ибо «феноменъ» и значить «явленіе» (въ противоположность «нумену», сущности), и если мы вынуждены употреблять слово «феноменальный», такъ единственно потому, что по-русски существуетъ только одно прилагательное, производное отъ слова «явленіе»—«явленный», имѣющее свой слишкомъ специальный смыслъ.

Обращаюсь къ возраженіямъ г. Жуковскаго Марксу, замѣтимъ прежде всего, что между ними нѣть ни одного оригинальнаго. Охотно вѣрю, что г. Жуковскій до всѣхъ нихъ своимъ умомъ дошелъ, но, тѣмъ не менѣе, по странному стечению обстоятельствъ, всѣ они были у него предвосхищены разными нѣмцами. Разница только въ томъ, что нѣмцы ведутъ дѣло на чистоту, а г. Жуковскій laisse quelque chose à dévoiler.

Самое общее и притомъ едва ли не единственное вѣрное замѣчаніе состоится въ указаніи на пристрастіе къ гегелевской діалектизѣ. Дѣйствительно, Марксъ, несмотря на свой престезъ противъ гегелевской философіи, очень охотно, даже слишкомъ охотно, прилагаетъ къ ей діалектизѣ, тѣмъ безъ нужды усложняетъ и затрудняетъ пониманіе своихъ выводовъ. Это было всѣми давно замѣчено (въ особенности, Дюрингъ, вообще крайне несправедливый въ Марксу, налегъ на это обстоятельство въ своей «Критической исторіи политической экономіи и соціализма»), и самъ Марксъ счѣлъ нужнымъ отозваться на голосъ критики во второмъ изданіи «Капитала». Но, отнюдь не спасая этого грѣха съ души Маркса, г. Жуковскому слѣдовало бы помнить то, что онъ нѣкогда понималъ довольно хорошо, а именно, что гегелевская діалектика, именно благодаря своей пустотѣ, безсодержательности, можетъ иногда оказаться «случайной вѣшней рамкой, въ которую авторъ вставилъ выводы, добытые вовсе не априористическимъ путемъ, а чистымъ анализомъ фактовъ», что «метафизическая форма» можетъ быть «просто механической приставкой къ независимому отъ нея содержанию». Такими именно словами характеризовалъ нѣкогда (и не Богъ знаетъ, какъ давно, въ 1866 г.) г. Жуковскій пристрастіе къ гегелевщинѣ у Прудона (въ брошюре «Прудонъ и Луи Бланъ»). А между тѣмъ, вся разница въ этомъ отноженіи между Прудономъ и Маркомъ состоится въ томъ, что послѣдній не послышалъ, какъ первый, знакомъ съ гегелевской діалектикой и потому прилагаетъ ее къ дѣлу искусства, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ ужъ обильно.

Надо заметить, что въ глазахъ г. Жуковскаго Марксъ—вдвой-
нъ грызникъ, вдвойнѣ «формалистъ»: во первыхъ, какъ уч-
еникъ «формалистической» философіи Гегеля, во-вторыхъ—какъ
соціалистъ. Эти два пункта, къ сожалѣнію, такъ перепутаны въ
обвинительномъ актѣ г. Жуковскаго, что и намъ трудно отдѣ-
лить ихъ другъ отъ друга. Будемъ следовать за авторомъ обви-
нительного акта.

Г. Жуковскій начинаетъ, какъ истый сколастикъ: область об-
щественныхъ наукъ дѣлится на двѣ отрасли, соответствующія
двумъ сторонамъ, заключающимся въ каждомъ предметѣ: сторо-
ну формальную изучаетъ наука права, сторону материальную—
экономія. Первоначально это раздѣленіе труда имѣло свои ре-
зоны въ историческомъ ходѣ науки. Наука права родилась
раньше экономіи и потому стала искать объясненія формъ общ-
ежитія, какъ явленій совершенно самостоятельныхъ или, по край-
ней мѣрѣ, независимыхъ отъ явленій экономическихъ. «Изучая
ихъ въ такомъ видѣ, первоначально наука права отыскивала объ-
ясненія этихъ формъ и ихъ опредѣляющаго содержанія поневолѣ
въ такихъ же формальныхъ, отвлеченныхъ основаніяхъ. Онѣ для
нея служили то осущестыніемъ на землѣ высшей правды и спра-
ведливости, то идеи добра, проходившей въ своемъ развитіи фор-
мальная стадія логического процесса и достигавшей, наконецъ,
сознанія самой себя». Эти объясненія формъ общежитія оказались
неудовлетворительными. Между тѣмъ, выросла экономія, на кото-
рую, однако, юристы не пожелали опереться. Тогда среди эко-
номическихъ писателей возникла сангвиническая, нетерпѣливая
школа, «вмѣшавшаяся въ формальные вопросы общежитія съ
экономической точки зренія», не имѣя, однако, нужныхъ для по-
dobнаго вмѣшательства выдержки и знанія. «Если въ то время,
когда оно (вмѣшательство) произошло, можно было говорить о
связи между формальными и экономическими фактами, то въ
ближайшемъ своемъ видѣ эта связь была вовсе не обслѣдована
и экономическое значение отдельныхъ формъ вовсе не выясне-
но въ подробности. Точно также недостаточно была изслѣдо-
вана и материальная или экономическая сторона общежитія и не
выяснены въ точности границы, полагаемыя стремленіемъ че-
ловѣка, какъ външней природой, такъ и природою самого че-
ловѣка». Ничего этого не знали и знать не хотѣли сангвинич-
еские люди. «Всѣ слабыя стороны материальнаго положенія были
отнесены къ недостаткамъ въ формахъ, и потому устраненіе ихъ
поставлено въ прямую зависимость отъ измѣненія этихъ формъ.
Что же касается послѣдняго, то форма представлялась этому
направленію исключительно зависящей отъ произвола человѣка
и не зависящей ни отъ материальныхъ условій, ни отъ приро-
ды или степени развитія человѣческой личности». Сангвиники
поторопились, вмѣсто научной провѣрки своихъ положеній «пред-
ложили опытъ» и окончательно потеряли кредитъ.

Марксъ принадлежитъ къ числу этихъ сангвиниковъ. Справ-

шиваются: насколько сильь, какъ поадѣйшій представитель школоы, успѣль освободиться отъ обидѣ съ недостатковъ? Оказы- вается, что онъ отъ нихъ не освободился, «въ томъ отношеніи, что ограничиваетъ свое исслѣдованіе точно также одной формальными стороной, а другимъ, матеріальная сторона оставляется имъ точно также безъ серьёзного разсмотрѣнія. Правда, онъ и въ этомъ отношеніи настолько разсудительныѣ своимъ предшественникомъ, что не игнорируетъ вовсе значенія матеріальныхъ условій, но онъ, въ то же время, обходить ихъ прямое исслѣдо-ваніе». Въ доказательство, г. Жуковскій ссылается на слѣдую-щія умозаключенія нѣмецкаго писателя. Марксъ объясняетъ, что юридические и политические отношенія не суть самостоятельныя явленія, а вырастаютъ на почвѣ отношеній экономическихъ; что измѣняются они подъ влияніемъ измѣненій въ условіяхъ произ-водства. Извѣстныя юридические и политические отношенія не только въ дѣйствительности, а и въ сознаніи, не могутъ возник-нуть раньше, чѣмъ буде готова для нихъ матеріальная почва въ видѣ соответственныхъ условій производства. Слѣдовательно, заключаетъ отсюда Марксъ, если въ современномъ буржуазномъ обществѣ мы видимъ начало борбы старыхъ порядковъ съ но-выми, если въ сознаніи множества людей возникаетъ требование новыхъ юридическихъ отношеній, то, значитъ, матеріальная почва для нихъ готова.

Г. Жуковскій довольно долго ломается надъ этими соображеніями Маркса, спрашивая видѣ въ нихъ отраженіе гегелев-ской философіи, но все-таки вовсе несправедливо, и даже без... застѣнчиво, какъ мы сейчасъ увидимъ, обзываю за нихъ Маркса «формалистомъ», который обходитъ прямое исслѣдованіе матеріальныхъ условій юридическихъ отношеній.

Мы имѣемъ теперь уже всѣ данные для сужденія о достоин-ствѣ общихъ критическихъ приемовъ г. Жуковскаго. Но, такъ какъ провѣрить ихъ всего удобнѣе на приведенной выше главѣ о первоначальномъ написаніи, то посмотримъ сначала, какъ относится критикъ къ изложеному тамъ общему закону эконо-мического развития.

Само-собой разумѣется, что г. Жуковскій слишкомъ уогреинъ, слишкомъ великолѣпенъ для приданія вопросу той постановки, которую я рекомендовалъ вниманію читателя. Нѣкогда, въ ста-тьѣ, написанной по поводу магистерской диссертации г. Янсона, приправились къ одному наловкому выражению почтенного про-фессора, г. Жуковскій обратился къ нему съ такимъ апостро-фомъ: «Почтенный докторантъ, тутъ дѣло вовсе не въ томъ, чѣмъ кончить человѣческій духъ—извѣстное дѣло, когда набудь все перемѣнется—мука будеть, а чѣмъ кончать хотя бы саксонскій поли черезъ 60 или 100 лѣтъ, или русскій черезъ 300». («Смитовское направление и позитивизмъ въ экономической на-уکѣ»). Теперь г. Янсонъ имѣлъ бы полное право возвратить эти восклицанія г. Жуковскому, ибо послѣдній въ экономическихъ

вопросамъ болѣе занять антропіей (одинъ изъ способовъ объясненія того, какъ все, со включеніемъ духа, перемежается), чѣмъ участіемъ не только русскихъ полей, но и русскихъ крестьянъ. Г. Жуковскій обращаетъ вниманіе на слѣдующіе моменты изложеннаго Марксомъ процесса образования капитала и обобществленія труда. «По своему отношенію къ юридическимъ основамъ общества, говорить онъ: — Марксъ рѣско выдѣляется изъ школы соціалистовъ. Если мы примемъ за отличительный признакъ послѣднихъ критическое отношеніе къ началу личной собственности, то должны будемъ признать, что исследование Маркса держится другой почвы: онъ остается на той почвѣ личной собственности, которая отрицается соціалистами крайнаго направления; онъ признаетъ это начало, какъ начало, и все его исследованіе направлено къ тому, чтобы объяснить всѣ темны стороны европейской соціальной жизни вовсе не присутствиемъ этого начала, а тѣмъ, что это начало было нарушено по отношенію къ работнику». Затѣмъ, въ концѣ статьи, г. Жуковскій очень бѣгло, въ нѣсколькохъ словахъ сообщаетъ содержаніе главы о первоначальномъ накоплѣніи. Это бы еще ничего, что онъ его сообщаетъ бѣгло, но онъ дѣлаетъ это крайне неполно. Такъ, обѣ томъ, чѣмъ Марксъ называетъ обобществленіемъ труда, критикъ не упоминаетъ вовсе, ни разу, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ статьи. Онъ говоритъ только, что процессъ состоить въ отдѣленіи рабочаго отъ условій производства, въ частности — въ обезземленіи, и заключаетъ такъ: «Какъ просты кажутся формалисты причины капиталистического процесса, столь же просты кажутся имъ и средства его измѣненія. Для Маркса, повидимому, все дѣло можетъ ограничиться закрѣпленіемъ за рабочими права на прибыль». А, дескать, «материальна условія вопроса, лежащія какъ въ стадии развитія личности рабочаго, такъ и въ материальныхъ условіяхъ производства» — для Маркса не существуютъ.

Такова общая характеристика немецкаго писателя, сдѣланная русскимъ критикомъ. Имѣю смѣсть заявить, что вся она представляетъ одну большую ложь, состоящую изъ ряда маленькихъ ложей, такъ что трудно даже рѣшить, за которую изъ нихъ удобнѣе взяться сначала, для выясненія настоящей физіономіи подсудимаго: *embarras de richesses*, слишкомъ много цвѣтковъ! Начнемъ съ указаний на уваженіе Маркса къ началу личной собственности. Собственно говоря, этотъ вопросъ мало идетъ къ дѣлу, такъ какъ мы ищемъ въ виду Маркса, какъ человѣка науки, и практической его дѣятельности касаться адѣль не можемъ, а кѣль ни одной его научной работы, специально посвященной вопросу о формахъ собственности. Но, ради ясности, вспомнимъ, что онъ есть одинъ изъ авторовъ «маніфеста коммунистической партіи». Самое заглавіе этого документа показываетъ, что соответственную часть его характеристики, представленной г. Жуковскій, надо понимать совершенно изобо-

ротъ. Къ этой фактической, для всякаго безъ разысканій осознательной неправдѣ можно бы было тутъ же поставить точку и перейти къ слѣдующимъ неправдамъ. Но самъ собою является вопросъ: почему г. Жуковский пожелалъ ввести читателей «Вѣстника Европы» на этотъ пунктъ въ заблужденіе? или же—гдѣ основанія его собственнаго заблужденія? Мы видѣли, что философско-историческая схема Маркса такова: капиталистическая частная собственность есть отрицаніе индивидуальной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ; затѣмъ происходит историческое отрицаніе этого отрицанія, вновь возстановляется индивидуальная собственность, но на основаніи прорѣтѣній капиталистической эры — на основаніи кооперации свободныхъ работниковъ и общинного владѣнія землею и средствами производства, произведенными самими работниками. Послѣдняя часть схемы опять-таки ясно показываетъ, до какой степени наоборотъ слѣдуетъ понимать показаніе г. Жуковскаго объ отношеніи Маркса къ началу личной собственности. Какое ужъ тутъ уваженіе къ личной собственности, когда предсказывается и рекомендуется общинное владѣніе землей и средствами производства! Г. Жуковскаго, очевидно, смущило слово «индивидуальный». Дѣло въ томъ, что въ схему свою Марксы ввернулъ два общеизвѣстные фокуса гегелевской дialectики, къ которой г. Жуковскій такъ строгъ, но которой, въ данномъ случаѣ, не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить. Во первыхъ, вся схема построена по закону гегелевской тріады: сначала идетъ положеніе, тѣзисъ, затѣмъ отрицаніе, антитезисъ, и, наконецъ, отрицаніе отрицанія, дающее въ окончательномъ результатаѣ синтезъ. Во вторыхъ, этотъ синтезъ основывается на тождествѣ противоположностей: индивидуальной и общинной собственности. Значить, тутъ слово «индивидуальный» имѣть особенный, чисто условный смыслъ члена dialectического процесса, и ничего ровно на немъ основывать нельзя. Правда, г. Жуковскій опирается, повидимому, преимущественно на фактическую часть исторического очерка Маркса. Но, вѣдь фактическая сторона потому и называется фактической, что разсказывается, какъ дѣло было. И соціалисты, и экономисты, и Жуковскій, и Марксы, и Сидоръ, и Петръ должны будутъ приблизительно одинаково передать ее. Разница будетъ только въ освѣщеніи фактovъ. Марксы освѣщаетъ икъ съ точки зренія отлученія работника отъ условій производства, но прославляетъ это общее теченіе въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ. Такъ, мы видѣли, напримѣръ, его указанія на значеніе распущенія феодальныхъ дворовыхъ, на расхищеніе общинныхъ земель, на продажу церковныхъ имуществъ и проч. Стѣдовательно, и относительно фактической стороны г. Жуковскій просто, какъ говорится, сболтулъ. Зачѣмъ? — неизвѣстно. Почему? — можетъ быть, просто потому, что ничего не понялъ.

За то обвиненіе въ гегелевщинѣ остается въ полной силѣ. Посмотримъ, однако, не служить ли она и у Маркса, какъ по Т. CCXXXIV.—Отл. II.

объясненію г. Жуковскаго, у Прудона, только случайной вѣшней рамкой, въ которую авторъ вставилъ выводы, добытые не априористическимъ путемъ, а строгимъ анализомъ фактовъ. Г. Жуковскій не только этого не допускаетъ, но подсовываетъ на эту чашку вѣсовъ своей удивительной критики еще одну гирю: Марксъ—формалистъ, какъ гегельянецъ, да еще и какъ «сантехникъ». Въ качествѣ такого дубль-экстракта формализма, Марксъ, хотя и признаетъ значение экономическихъ условій для юридическихъ и политическихъ формъ, но «формальныи пріемомъ обходить» ихъ изслѣдованіе, именно предполагая, что, разъ въ сознаніи современниковъ возникаютъ новые формы, таъ, знать, материальныи условія для нихъ уже готовы. Кромѣ того, Марксъ, какъ двойной формалистъ, думаетъ что все дѣло можетъ ограничиться закрѣплениемъ за рабочими права на прибыль (битокъ, вѣдь это что же такое? только формал!), а какія для этого условія нужны, онъ и знать не хочетъ. Таковы обвиненія г. Жуковскаго. Если они попадутся человѣку, совершенно незнакомому съ Марксомъ, то этотъ бѣдный человѣкъ получитъ замѣчательно извращенное понятіе «о Карлѣ Марксе и его книгѣ о капиталѣ» (такъ озаглавлена статья г. Жуковскаго). Дѣйствительно, изъ приведенныхъ обвиненій слѣдуетъ, кажется, прежде всего заключить, что обвиняемый есть юридический писатель, доказывающій, въ сочиненіи «Капиталъ», право рабочихъ на прибыль. Между тѣмъ какъ, въ дѣйствительности, ни «Капиталъ», ни другое, цитируемое г. Жуковскимъ сочиненіе Маркса «Zur Kritik der Politischen Oekonomie»—отнюдь такой цѣли въ виду не имѣютъ. «Конечная цѣль этого сочиненія — показать экономическій законъ развитія новѣйшаго общества», говоритъ Марксъ о своемъ «Капиталѣ» и строго выдерживаетъ эту программу. Правда, для него право рабочихъ на прибыль несомнѣнно; правда, онъ увѣренъ, что, въ концѣ концовъ, и самый законъ развитія новѣйшаго общества тяготѣтъ къ признанію этого права. Поэтому тамъ и самъ, въ особенности въ пріемчаніяхъ, въ предисловіяхъ, въ заключительныхъ словахъ нѣкоторыхъ главъ, можно найти указанія на право рабочихъ. Но систематически доказывать его онъ вовсе не думалъ. «Капиталъ» цѣликомъ посвященъ анализу условій производства и экономическихъ отношеній, такъ что показаніе г. Жуковскаго, что Марксъ «обходить» изслѣдованіе «материальныи условій», было бы совершенно непонятно, еслибы мы не имѣли уже одного яркаго образца без...церемонности нашего критика. Вотъ что г. Жуковскій, трактуя о Марксе, «обходить», ни больше ни менѣе, какъ всего Маркса—это вѣрно.

Еслибы Марксъ сказалъ: законъ развитія современнаго общества таковъ, что оно само, спонтанейно отрицає свое предыдущее состояніе и затѣмъ отрицає это отрицаніе, прииждая противорѣчія пройденныхъ стадій въ единствѣ индивидуальной и общинной собственности; еслибы онъ сказалъ это и толь-

ко это (хотя бы и на многихъ страницахъ), то онъ былъ бы чистымъ гегельянцемъ, строящимъ законы истории изъ глубины своего духа и успокаивающейся на чисто формальныхъ, то-есть независимыхъ отъ содержания принципахъ. Но вѣдь всакій, читавшій «Капиталъ», знаетъ, что онъ сказалъ не только это. Мало того: всакій, прочитавшій только вышеприведенное бѣглое изложеніе главы о первоначальномъ накопленіи, долженъ понять, что гегельянскую формулу можно также легко снять съ втиснутаго въ нее содержанія, какъ перчатку съ руки или шапку съ головы, ни мало не повредивъ руки или головы. Относительно пройденныхъ ступеней экономического развитія тутъ даже ни малѣйшихъ сомнѣній быть не можетъ. Называйте эти пройденные ступени положеніемъ и отрицаніемъ, называйте иначе, перемѣните всю группировку, сдѣлайте изъ двухъ ступеней десять, двадцать—фактически Марксъ останется правъ. Разрушение феодальныхъ порядковъ въ Европѣ дѣйствительно сопровождалось отлученіемъ работника отъ условій производства; сила вещей дѣйствительно сгноила этихъ отлученныхъ въ мануфактуры. Столь же несомнѣнно и дальнѣйшее теченіе процесса: сосредоточеніе средствъ производства все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ. Насчетъ будущаго могутъ быть, конечно, сомнѣнія. Марксъ полагаетъ, что такъ какъ концентрація капитала сопровождается обобществленіемъ труда, то это послѣднее и составить ту экономическую и нравственную почву, на которой выростутъ новые юридические и политические порядки. Г. Жуковскій имѣлъ полное право назвать это построеніе гадательнымъ, но не имѣлъ никакого права (нравственнаго, разумѣется) совершенно умолчать о значеніи, какое Марксъ придаетъ процессу обобществленія. А онъ, какъ мы уже видѣли, умолчалъ. Онъ только съ ученымъ видомъ знатока потолокъ воду насчетъ формализма, не принимающаго въ соображеніе ни материальныхъ условій, ни степени развитія личности. Марксъ, говорить, думаетъ, что призналъ право рабочихъ на прибыль, да и шабашъ! Нѣть, не шабашъ. Марксъ это очень хорошо зналъ. И не только зналъ, а сказалъ съ ясностью и выразительностью, далеко превосходящую видомъ и туманное мысленіе г. Жуковскаго, и обслѣдовалъ съ знаніемъ, не менѣе возвышающимся надъ надменною цвѣченностью беззастѣнчиваго критика. Въ предисловіи къ «Капиталу» читаемъ: «Въ Англіи процессъ преобразованія очевиденъ до осознательности. Дойдя до извѣстной высоты развитія, онъ долженъ отразиться на континентѣ (Марксъ имѣеть въ виду преимущественно Германію). Въ какихъ формахъ проявится онъ тамъ, въ грубыхъ или гуманныхъ — это совершенно зависитъ отъ степени развитія самихъ работниковъ. Слѣдовательно, независимо отъ высшихъ мотивовъ, собственный интересъ самихъ тещерешнихъ господствующихъ классовъ требуетъ устраненія путемъ закона всѣхъ препятствій, мѣшающихъ развитию рабочаго класса». Великъ комизмъ положенія человека, величественны

издымашаго руку для пораженія противника и попадающаго при этомъ пальцемъ въ небо! Г. Жуковскій *полемизируетъ* съ Марксомъ: «Я утверждаю, что мѣра, въ которой случится это участіе (участіе рабочаго въ прибыли), зависитъ отъ материальныхъ условій вопроса, лежащихъ какъ въ степени развитія личности рабочаго, такъ и въ материальныхъ условіяхъ производства. *Иные разсуждаютъ формалисты*. О, да! совершенно иначе, но все-таки, подумаешь, сколько важности тратится иной разъ совсѣмъ напрасно!

«Одна нація можетъ и должна учиться у другой», говорить Марксъ. Оставляя на минуту г. Жуковскаго въ покой, спросимъ: какого же рода урокъ можемъ мы получить изъ исторіи развитія экономическихъ отношеній въ Англіи? Имѣя въ виду свое отчество, Германію, Марксъ съ особеннымъ вниманіемъ отнесся къ англійскому фабричному законодательству, то-есть къ тому, насколько въ Англіи подвигнулся вопросъ о правительственномъ вмѣшательствѣ въ регулированіе рабочаго дня, женскаго и дѣтскаго труда и проч. Здѣсь именно лежать тѣ поправки къ фатальной непреклонности исторического процесса, которыхъ могутъ быть заимствованы у самого Маркса. Фабричное законодательство, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, направлено къ огражденію рабочаго населения отъ вмѣнія и къ доставленію ему возможности безпрепятственно развивать свои человѣческія способности. Слѣдовательно, возможно до известной степени смягчить непреклонность процесса; возможно и должно, какъ образно выражается Марксъ, облегчить муки родовъ. Но для насъ, очевидно, въ этихъ смягченій мало, ибо, какъ ни желательно у насъ развитіе и известное направление фабричного законодательства, оно можетъхватить лишь очень малое, сравнительно, число народа, а потому необходимо изысканіе путей для болѣе непосредственнаго обхода среднихъ стадій описанного Маркомъ процесса.

Изъ этого читатель, между прочимъ, видѣть, что мы вовсе не расположены только слушать, что *magister dixit* а, напротивъ, съ удовольствіемъ выслушали бы и отъ такого «магистра», какъ г. Жуковскій, рядъ дѣйствительно критическихъ замѣчаній. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы видѣли только рядъ ненравдъ. Къ еще большему сожалѣнію, мы и впредь увидимъ тоже самое.

До сихъ поръ у насъ шла прозѣка критики г. Жуковскаго на примѣрѣ, нами выбранномъ. Возьмемъ примѣръ, выбранный въ самимъ. На основаніи нѣсколькихъ словъ предисловія къ «Zur Kritik der politischen Oekonomie», онъ утверждаетъ, что Марксъ, какъ формалистъ-гегельянецъ, довольствуется заявленіемъ, что сознаніе новыхъ общественныхъ формъ уже гарантируетъ наличность необходимыхъ для этихъ формъ материальныхъ условій. Опять таки, еслибы Марксъ написалъ только это предисловіе къ «Zur Kritik», то г. Жуковскій былъ бы совершенно правъ. Но такъ какъ Марксъ сдѣлалъ нѣсколько больше,

то г. Жуковский опять-таки говорить прямую, завѣдомую не-правду. Если снять съ «Капитала» тяжелую, неуклюжую и не-нужную крышку гегельянской діалектики, то, независимо отъ другихъ достоинствъ этого сочиненія, мы увидимъ въ немъ пре-восходно разработанный материалъ для рѣшенія общаго вопро-са объ отношеніи формъ къ материальными условіямъ ихъ су-ществованія и превосходную постановку этого вопроса для ча-стной области.

Г. Жуковский весьма основательно замѣтилъ, что употребленіе маса въ видѣ битка не существенно. Битокъ, въ этомъ случаѣ, есть дѣйствительно только форма, имѣющая, какъ и другія формы, свои удобства и неудобства. Человѣкъ — тоже форма бытія, оформленный клочкомъ вещества, своеобразно ведущій приходо-расходную книжку своего существованія, только форма, по отно-шению къ которой битокъ является однимъ изъ материальныхъ условій существованія. Но вотъ что удивительно: форма эта такъ сильна, что битокъ и всякия другія формы не только маса, а питательного вещества вообще, поступая въ организмъ человѣка, преобразуются въ материалы для поддержанія именно этой фор-мы. Человѣкъ есть масо, есть хлѣбъ, рыбу, рѣдьку съ квасомъ, но остается человѣкомъ. Извѣстная органическая форма, слѣдо-вательно, совершенно, повидимому, подчиняетъ себѣ поступающій въ нее пластическій материалъ. Однако это — только пови-димому. Въ дѣйствительности, какъ всмъ известно, условія су-ществованія способны, хотя и медленно, измѣнять органическія формы. Такимъ образомъ, между формой и материальными усло-віями существованія устанавливаются довольно сложные отно-шения, причемъ, до поры до времени, одолѣваетъ форма, хотя, въ концѣ концовъ, и преобразующаяся. Съ общественными фор-мами происходитъ нечто подобное, и никто лучше Маркса этого не показалъ. Собственно говоря, весь «Капиталъ» посвященъ изслѣдованию того, какъ разъ возникшая общественная форма все развивается, усиливаетъ свои типическія черты, подчиняя себѣ, ассимилируя открытія, изобрѣтенія, улучшенія способовъ производства, новые рынки, самую науку, заставляя ихъ рабо-тать на себя, и какъ, наконецъ, дальнѣйшихъ измѣненій мате-риальныхъ условій данная форма выдержать не можетъ.

Книга Маркса требуетъ большой переработки въ смыслѣ очи-щенія ея отъ многочисленныхъ наростиовъ и прожилокъ ненуж-ныхъ діалектическихъ тонкостей, но именно анализъ отношеній данной общественной формы къ материальнымъ условіямъ ея существованія навсегда останется памятникомъ логической силы и громадной эрудиціи автора. Г. Жуковский имѣетъ нравствен-ное мужество утверждать, что этотъ-то вопросъ Маркса и обхо-дить. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Остается только съ изум-лениемъ слѣдить за дальнѣйшими головоломными упражненіями критика, кувыркающагося на потѣху публики, одна часть кото-рой, безъ сомнѣнія, сразу пойметъ, что передъ ней ломается

отважный акробатъ, но другая, чего доброго, придастъ достойному удивлению зрѣлищу совсѣмъ другое значеніе.

Дальнѣйшее теченіе критического потока опредѣляется само собой. Русло для него уже выкопано: Марксъ является въ «Капиталѣ» не человѣкомъ анализа экономическихъ фактъвъ, а формальнымъ защитникомъ, апологетомъ правъ рабочихъ. Онъ употребляетъ пріемы, «весьма удобные для того, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ выгоды капиталиста и невыгоды работника», но, въ научномъ смыслѣ, эти пріемы никуда не годятся. Все, что Марксъ говорить о рабочемъ днѣ, «давно повторяется почти каждымъ сочиненіемъ, посвященнымъ изслѣдованію пауперизма; все это тамъ совершено на мѣстѣ и способно вселить читателю много участія въ положенію рабочаго, но все это говорить только о злоупотребленіяхъ, которыя капиталисты дѣлаютъ изъ своего права, говорить болѣе объ общей порочности людей и заставляетъ серьѣзно помышлять о мѣрахъ въ устраниеніи этихъ злоупотребленій». Правда, нѣкоторые отдѣлы книги, именно тѣ, гдѣ разсказывается, какъ отражался на судьбѣ рабочихъ прогрессъ раздѣленія труда и машинъ, очень хороши; но «собственно говоря, обстоятельства, сюда относящіяся, не представляютъ ничего нового и давно вошли въ разрядъ общихъ мѣсть, повторяющихся въ каждой книжкѣ о западномъ пауперизмѣ, съ свойственнымъ этимъ сочиненіямъ человѣколюбіемъ». Въ концѣ концовъ, апология правъ рабочаго, предпринятая Марксомъ въ «Капиталѣ», оказывается крайне шаткою и вообще совершенно неудачной.

Было ужь замѣчено, что «Капиталъ» никакой апологіи въ виду не имѣеть, а потому ломанье насчетъ «свойственного этимъ сочиненіямъ человѣколюбія» совершенно неумѣстно. А, впрочемъ, человѣколюбіе—не такая ужь достойная презрѣнія вещь, чтобы присутствіе его могло компрометировать научное сочиненіе. Вотъ, напримѣръ, нѣкоторымъ старымъ статьямъ г. Жуковскаго человѣколюбіе нисколько не вредило. Помню я, напримѣръ, его статью «Экономическая теорія Маклеода», въ которой меня тогда же поразилъ слѣдующій оборотъ мысли: «Въ суммѣ, стало быть, теорія цѣнности, на которой настаиваетъ Маклеодъ, откровенно разоблачаетъ только передъ нами всю безпощадную суровость рутины, и возводить ее въ принципъ значило, очевидно, тоже, что возводить въ принципъ неоплатность труда». Это не я подчеркнулъ послѣднія два слова; ихъ самъ г. Жуковский напечаталъ курсивомъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуя, что считаетъ этотъ аргументъ отъ человѣколюбія очень важнымъ. Помню я еще его статью о развитіи рабочихъ ассоціаций во Франціи, въ которую человѣколюбіе было допущено «въ полномъ размѣрѣ». Да и мало ли еще я помню статей г. Жуковскаго, вполнѣ человѣколюбивыхъ, что не мѣшало имъ, однако, быть, въ то же время, очень почтенными научными работами, гораздо даже болѣе научными, чѣмъ его позднѣйшія упражненія въ мате-

матикъ, физикъ и акробатическомъ искусствѣ. Если самъ онъ ихъ забыть, такъ вѣдь павлину свойственно періодически распушкать и свертывать хвостъ, заметая имъ собственные слѣды. Какъ бы то ни было, но точка зренія, съ которой г. Жуковскій смотритъ на Маркса, очень удобна для нашего критика. Развѣ признано, что Марксъ не законъ экономическихъ явленій изслѣдуется, а только апологіей правъ рабочаго занимается, не представляется уже большой надобности въ собственно научной критикѣ. Центръ таинства сочиненія лежитъ въ апологіи—значить, надо просто противопоставить ей другую. Такъ г. Жуковскій и поступаетъ. Но, такъ какъ онъ при этомъ только повторяетъ размышенія одного нѣмца, то и мы сначала къ этому нѣмцу обратимся. Нѣмецъ этотъ есть известный Генрихъ фон-Зибель, а размыщенія его изложены въ отдѣльной брошюре еще въ 1872 году. Надо замѣтить, что это двѣ публичныя лекціи, читанныя въ Барменѣ, по какому случаю, неизвѣстно, но для какой аудиторіи—можно судить по слѣдующимъ вступительнымъ словамъ первой лекціи: «Если я, академический ученый, предполагаю говорить объ одномъ изъ важнейшихъ вопросовъ промышленного мира вѣдь, въ этомъ обществѣ, соединяющемъ множество опытнейшихъ практиковъ нашей индустрии, то» и т. д. И такъ, Генрихъ фон-Зибель бесѣдовалъ съ фабрикантами. Сообразно этому, онъ и бесѣду повелъ.

Было разказано содержаніе «Капитала» вплоть до ученія о прибавочной цѣнности, Зибель продолжаетъ: «Я замѣтилъ передаль все ученіе въ общей связи, чтобы наглядно показать его связность, законченность и послѣдовательность. Если вы примете первое положеніе, то должны будете признать и все остальное. Но мы уже упоминали, что исходная точка невѣрна. Она гласитъ, что источникъ и мѣрило цѣнности есть единственno человѣческий трудъ. Въ дѣйствительности же, такимъ источникомъ является трудъ не самъ по себѣ, а лишь въ связи съ человѣческими потребностями, которыми онъ удовлетворяетъ. Дѣло не въ продолжительности, а въ цѣлесообразности работы. Легко видѣть, какую важность иметь это различие для всего вопроса. По Марксу, прибавочная цѣнность возникаетъ единственно изъ свойства человѣческаго труда производить больше, чѣмъ онъ самъ стонѣтъ, свойства благодѣтельного для самостоятельного рабочаго и рокового для рабочаго наемнаго. Но правда ли, что прибыль фабриканта основывается единственно на эксплуатации рабочаго, на разницѣ между производительностью труда и рабочей платой? Правда ли, что его собственная дѣятельность въ процессѣ ограничивается ролью надзирателя за исполненіемъ заказанной работы? Я думаю, что ежедневный опытъ учить васъ противному. Остановимся на примѣрѣ Маркса. Рабочая плата равна стоимости шести рабочихъ часовъ, которыми оплаивается содержаніе рабочаго, между тѣмъ какъ запродалъ онъ свою рабочую силу на цѣлый день, то есть на двѣнадцать ча-

совъ; фабриканть поэтому выплачиваетъ ему по талеру въ день, а доходу получаетъ по два талера. Въ одинъ прекрасный день, при неизмѣнившихся условіяхъ, фабриканть вдругъ удвоиваетъ рабочую плату. По Марксу, онъ тѣмъ самымъ отказывается отъ всякой прибыли, потому что преграждаетъ единственный источникъ, такъ называемой прибавочной цѣнности. Въ дѣйствительности же, произошло вотъ что: обстоятельства еще пока не измѣнились, но проницательный взоръ фабриканта усмотрѣлъ измѣненіе, предстоящее въ будущемъ. Онъ яснѣе другихъ предвидѣть, что черезъ два мѣсяца, вслѣдствіе какихъ-нибудь вышеупомянутыхъ событій, спросъ на его товаръ страшно возрастетъ. Онъ предвидѣть, что, какъ только конкуренты сдѣлаются то же наблюденіе, такъ станутъ отбывать другъ у друга хорошихъ работниковъ. Поэтому онъ обеспечиваетъ себѣ своихъ немедленнымъ удвоенiemъ рабочей платы и за это получаетъ, черезъ нѣсколько времени, утвержденную цѣну своихъ товаровъ. Рабочие получали за двѣнадцать часовъ рабочихъ часовъ, а капиталистъ все таки обогатился на эксплуатациѣ рабочихъ, а эксплуатациї конъюнктуры, предвидимаго состоянія рынка. Прибавочная цѣнность, прибыль капиталиста, безъ сомнѣнія, создана трудомъ, но не ручнымъ трудомъ работника, а головнымъ трудомъ работодателя. Нельзя себѣ представить болѣе заслуженнаго барыша. И всѣ мы знаемъ, что подобные случаи безконечно часты (wendlich hÄufig), что въ нихъ-то и состоить общее правило, въ этихъ спекуляціяхъ на измѣненіе конъюнктуры, въ этихъ барышахъ, независимыхъ отъ отношеній между капиталистомъ и рабочими, а основанныхъ лишь на колебаніяхъ рынка. Но пойдемъ еще дальше. Безъ сомнѣнія, человѣческий трудъ есть источникъ всякой цѣнности, такъ что никакая цѣнность безъ человѣческаго труда возникнуть не можетъ. Спрашивается: чѣмъ заслуживаетъ человѣческая дѣятельность почетное имя труда? почему трудъ становится источникомъ цѣнности? Намъ отвѣтить самъ Марксъ: «мы предполагаемъ здѣсь процессъ труда въ такой формѣ, говорить онъ:— въ которой онъ составляетъ исключительную принадлежность человѣка. Пицъ исполняетъ операции, очень склонны съ операциими ткача, а пчела, способомъ построения своихъ восковыхъ ячеекъ, пристыжаетъ многихъ человѣческихъ строителей. Но между самымъ плохимъ архитекторомъ и самой искусственной пчелой есть одно существенное различие, состоящее въ томъ, что архитекторъ строить свою ячейку въ головѣ прежде, чѣмъ начинеть лѣпить ее изъ воску. Въ концѣ рабочаго процесса получается результатъ, который, при началѣ этого процесса, уже существовалъ въ представлении работника, т. е. въ идеѣ. Человѣкъ не только обусловливаетъ своею дѣятельностью извѣстное измѣненіе формы въ данномъ веществѣ природы, но осуществляетъ въ этомъ веществѣ свою цѣль, которую онъ знаетъ на-передъ, которая съ принудительностью закона опредѣляетъ спо-

собѣ его дѣятельности и которой онъ долженъ непрерывно подчищать свою волю». Слѣдовательно, человѣческая дѣятельность становится трудомъ потому, что служить человѣческой цѣли, а экономически полезнымъ трудомъ потому, что цѣль эта заключаеть въ себѣ удовлетвореніе человѣческихъ потребностей. Слѣдовательно, только тотъ человѣкъ придаетъ труду его истинную цѣну, который кладетъ на него печать цѣлесообразности, который ставить передъ вимъ полезныя цѣли и открываетъ и пускаеть въ ходъ пригодныя для осуществленія ихъ средства. Приложимъ эти данные къ рабочему процессу большой мануфактуры или фабрики. Кто здѣсь творецъ цѣли? кто постому сообщаетъ обработываемымъ веществамъ свойство цѣнностей? Мнѣ кажется, стоять только поставить вопросъ, чтобы разрѣшить его. Въ этомъ положеніи находится единственно фабриканть, а не рабочіе. Онъ одинъ даетъ фабрикѣ цѣль... Онъ изслѣдує состояніе рынка, онъ опредѣляетъ родъ и размѣръ производства, онъ создаетъ машины и улучшенія въ нихъ и самихъ рабочихъ (*sie schafft die Handarbeiter*). Можетъ быть, у него есть наемники и для нѣкоторыхъ умственныхъ работъ, техники инженеры, специалисты по торговымъ вопросамъ. Можетъ быть, онъ (какъ акціонеры желѣзной дороги) нанимаетъ особаго человѣка для управлениія всѣмъ разнѣ устроеннымъ предприятіемъ. Всѣ эти обстоятельства неизмѣняютъ существеннаго пункта: фабриканть, капиталистъ, есть творецъ цѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и творецъ всѣхъ возникающихъ цѣнностей. Его наемные рабочіе тутъ не причемъ. Они—орудія въ его рукахъ, одушевленныя, человѣческія орудія, но въ рабочемъ процессѣ фабрики—такія же орудія, какъ и машины. Безъ нихъ онъ не можетъ достигнуть своей цѣли; какъ не можетъ ея достигнуть безъ угла, колесъ, винтовъ. Онъ не долженъ, конечно, забывать, что, кроме того, они—люди, имѣющіе свои общечеловѣческія, достойныя уваженія цѣли. Но въ рабочемъ процессѣ фабрики они настолько же участвуютъ въ образованіи цѣнностей, какъ и машины. Кочегарь, подкладывающій уголь, что онъ знаетъ о цѣли и задачѣ фабрики? Мальчикъ, удаляющій отбросы хлопка, что онъ знаетъ обѣ общій связи, цѣли и средствахъ производства? Труженикъ ума, инженеръ или директоръ заведенія, конечно, знаетъ цѣль, но не создаетъ и не измѣняетъ ее, а получаетъ ее изъ духа фабриканта (*sic*) и служить ему точно такъ же, какъ и всякий работникъ. Ихъ рабочая плата входитъ въ составъ цѣны товара, точно такъ, какъ часть расходовъ на ножницы и иголки—въ составъ цѣны сюртука, спитаго портными. Никто, однако, не скажетъ, что ножницы и иголка создали сюртукъ и его цѣнность. Точно также и въ крупной промышленности создательницей цѣнности и прибавочной цѣнности является не ручная работа работника, прислуживающаго машинѣ, но головная работа фабриканта, управляющая ею».

Если я доставилъ себѣ скучу перевода этой белиберды Ген-

риха фон-Зибеля, такъ на это были разныя причины. Во-первыхъ, сама по себѣ, для чтенія, она увеселительна. Во-вторыхъ, она показываетъ, каковы бываютъ настоящія алогіи. Въ-третьихъ, наконецъ, ее повторяетъ г. Жуковскій, *nur mit ein Bischen anderen Worten*, какъ говоритьъ Маргарита у Гёте. Именно *ein Bischen*, потому что всѣ измѣненія состоятъ, главнымъ образомъ, въ педантическомъ тонѣ, приданномъ г. Жуковскимъ наивными, ясными, откровеннымъ размышеніями Зибеля. По простотѣ, а также соображаясь съ персоналомъ своей аудиторіи, Зибель сложилъ весь міръ у ногъ фабrikанта. Г. Жуковскій не такъ простъ, да и аудиторія у него не такая. Поэтому онъ, оставилъ аргументацію Зибеля по существу неприкосновенною, расширилъ ее и, выѣсто «проницательного взора» фабrikанта, поставилъ психіческій трудъ вообще. Результатъ отъ этого измѣнился мало. Г. Жуковскій разсуждаетъ такъ. Вы копыраете свой огородъ крючковатой палкой и вслахиваете его этимъ первобытнымъ способомъ въ двадцать дней. Но вотъ вы рѣшили употребить, положимъ, пять дней на приготовленіе лопаты, которую вслахиваете огородъ уже только въ пять дней. Вы получили десять рабочихъ дней чистой прибыли. Откуда взялась эта прибыль? Ее дало новое направление или распределеніе, организація вашего труда; прежде вы весь свой трудъ клали прямо въ пашню, а теперь часть его затратили на приготовленіе лопаты, и отсюда—прибыль. Но измѣненіе направленія труда предполагаетъ умственную работу. Этотъ-то психіческий трудъ и составляетъ, при участіи силъ природы, источникъ прибыли. «Исторія намъ показываетъ, что этой прибылью пользовались всегда дѣйствительные организаторы труда, правительства или лица, прилагавшія на дѣлѣ какое-либо изобрѣтеніе или улучшеніе». Психіческий трудъ можетъ быть направленъ двояко: или на комбинированіе и приспособленіе непосредственно силъ природы, чѣмъ завѣдуетъ въ наукѣ технологія, а на практикѣ предприниматели и капиталисты, или на комбинированіе и управлѣніе трудомъ работниковъ, что составляетъ задачу нравственныхъ и политическихъ наукъ, съ одной стороны, и законодателей, администраторовъ, а также опять-таки предпринимателей и капиталистовъ—съ другой. Разумѣя дѣло въ этомъ широкомъ смыслѣ, надо признать, что вся прибыль, какъ результатъ психіческаго труда, есть результатъ дѣятельности тѣхъ классовъ, которые этимъ трудомъ занимаются. Та часть рабочаго дня, которую Марксъ называетъ прибавочной, «только по внѣшнему виду составляетъ часть рабочаго, какъ тотъ рубль, который я могу положить къ вамъ въ карманъ на сбереженіе, составляетъ только по внѣшнему виду вашу, а не мою собственность. Платъ, которое я вѣшаю на гвоздь, составляетъ точно также принадлежность этого гвоздя; между тѣмъ, оно остается моимъ пластью, и никто не станетъ утверждать, чтобы оно было не мое. Работникъ въ дѣлѣ сокращенія работы—чистый гвоздь, къ кото-

рому знаніе и организація труда пристегивають линій ітогъ силы, но въ созданіи которой работникъ совершенно неповиненъ. Онъ не создаетъ той прибыли, въ которой хозяинъ хочетъ (?) сдѣлать его участникою, и эта прибыль не можетъ быть измѣряема по существу, какъ это допустилъ Маркесъ, длинной рабочаго дня и только вижется съ нимъ чисто вѣшніемъ, формальнымъ образомъ, какъ платье вижется съ вѣшалкой, на которой оно виситъ... Работникъ Маркса настолько же ровно создаетъ прибыль или прибавочную стоимость, насколько полоса жалѣза, представляющая рычагъ, поднимаетъ тяжесть или собираетъ силу; онъ—не болѣе, какъ орудіе въ рукахъ знанія и организаціи труда; и сила, создающая прибыль, находится точно также въ его, столь же чужда ему и постороння, какъ сила, дѣйствующая на рукоятку рычага». «Если источникомъ прибыли служить вообще психический трудъ, продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ критикъ:—или измѣненіе порядка пользованія физическимъ трудомъ какъ по существу, такъ и по формѣ, словомъ, знаніе и организація труда, то и первый капиталъ былъ продуктомъ того же труда, той же психической дѣятельности... Пользованіе капиталомъ доставалось въ руки тѣхъ, кто оказывался виновникомъ его появленія, то есть организующихъ классовъ. Работникъ же, ничего не изобрѣтавшій и ничего не организовавшій, а только постоянно организуемый, не имѣть никакого основанія заявлять на нее (?) малѣшія претензіи».

Г. Жуковскій, съ свойственномъ ему скромностью, заявляетъ, что новооткрытый имъ факторъ производства, психический трудъ, «до сихъ поръ упускается изъ виду вовсе экономической наукой»; что «крупная величина психической работы всѣхъ изобрѣтателей, тружениковъ знанія, организаторовъ, администраторовъ и проч.—составляли тотъ членъ или факторъ въ производствѣ, который оставался скрытымъ для политической экономії», вплоть до 1-го сентября 1877 года, когда читатели «Вѣстника Европы» получили возможность просіянія своего ума при помоши статьи г. Жуковскаго. Какъ ни лестно это обстоятельство для Россіи, очевидно, могущей рождать собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Ньютоновъ, но должно съ прискорбіемъ сказать, что эра этого научного просіянія должна быть значительно отодвинута назадъ, по крайней мѣрѣ, до 9-го марта 1872 года, а то и много дальше. Во всякомъ случаѣ, Генрихъ фон-Зибель уже 9-го марта 1872 года повѣдалъ миру то, что г. Жуковскій открываетъ въ сентябрѣ 1877 года. Г. Жуковскій и Генрихъ фон-Зибель едино суть. Если на первый взглядъ неопытного читателя научный соусъ, подъ которымъ отечественный писатель подаетъ новый факторъ производства, какъ будто погуще, то это—различie отнюдь не существенное и не матеріальное, а только «феноменальное» и «формальное». Правда, г. Жуковскій, подобно известному повару, не жалѣвшему ни луку, ни перцу, «лишь бы горячо вышло», подложилъ въ свой горя-

чай, научно преданный или предательски научный (не знаю ужъ какъ вѣрно сказать) соусъ посторонникъ ингредиентовъ физики и философіи, но отъ этого самое существо соуса никакъ не мѣняется. Прежде всего, ясно, что Зибель и г. Жуковскій относятся къ своей задачѣ совершенно одинаково. Для обоихъ Марксъ важенъ не какъ объектъ критики, съ точки зренія какой нибудь научной доктрины, а, главнымъ образомъ, какъ политической противнико, какъ авторъ апологіи, которой нужно противопоставить другую. Но, такъ какъ Марксъ стойть действительно на почвѣ науки, то это и ихъ обязываетъ придать своимъ апологіямъ какой нибудь науко подобный антиуралъ, чтобъ они и исполняютъ, каждый по мѣрѣ силъ, способностей и усердія. Но вотъ что странно. Съ какой стати г. Жуковскій жалуется, вспоминая то время, когда онъ скромно занимался частнымъ анализомъ экономическихъ фактовъ, а его тянули къ отѣству за неуваженіе къ принципу «дисциплины»? Правда, самъ Марксъ на такихъ инсинуаціи не имѣть права жаловаться, но, во-первыхъ, русское изданіе Маркса — не самъ Марксъ, а во-вторыхъ, требуетъ же г. Жуковскій для себя различія двухъ означенныхъ областей «психического труда»: области теоретического изслѣдованія и области практическіхъ выводовъ. Въ память столь горько оплакиваемыхъ имъ нынѣ собственныхъ несчастій, надлежало бы ему и на Маркса посмотретьъ преимущественно какъ на писателя, занимающагося анализомъ экономическихъ фактовъ, ну, а потомъ, на второмъ планѣ онъ могъ бы, пожалуй, и апологіями заниматься, если ужъ ему такъ нужно.

Есть, конечно, и различія между Зибелемъ и г. Жуковскимъ. Одно мы уже отмѣтили: понятіе капиталистовъ Зибеля г. Жуковскій расширяеть до понятія всѣхъ носителей психического труда. Съ точки зренія послѣдовательности, это, конечно — улучшеніе, вполнѣ, однако, обыкнинное, какъ было замѣчено, различіемъ персонала аудиторій обоихъ ученыхъ. Есть и другія различія. Такъ Зибель, можно сказать, выворачивается на изнанку съ цѣлью показать, что нѣтъ у него никакихъ заднихъ мыслей, что онъ весь тутъ на лицо. Слоненный къ кокетству и таинственности, г. Жуковскій поступаетъ иначе. При всемъ своемъ достойномъ награды усердіи, онъ не можетъ отказаться отъ заманиванія читателя такимъ секретомъ, который составляеть еще пока секретъ для него самого. Например, онъ таѣ заманчиваетъ свою апологію: «классъ лицъ, выдвинувшійся изъ рабочей массы въ теченіи исторіи и явившійся организаторомъ колективной работы въ обществѣ, какъ представитель психической работы общества за все прошлое время, имѣть, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней, формальной стороны, въ отношеніи прибавочной стоимости, бѣжѣ право». Это положеніе будетъ непоколебимо вѣрно до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ искать для раздѣла и распределенія прибыли другою основанія, другою закона, кроме того, который принимаетъ Марксъ и по которому каждому должно при-

надлежатъ то, что онъ производитъ и та доля общей выработки, которой онъ служитъ виновникомъ». Видите какой, съ помощью Божией, оборотъ. Слѣдуетъ ли весь этотъ туманъ такъ понимать, что, съ внутренней, существенной стороны, г. Жуковскій можетъ, при случаѣ, совсѣмъ иначе освѣтить и Маркса, и защищаемые послѣднимъ интересы? Слѣдуетъ ли ждать, что онъ самъ поколеблетъ когда-нибудь свою теперешнюю апологію, которая вѣдь непоколебима только съ точки зрѣнія Маркса? Эта точка зрѣнія, какъ ее передаетъ г. Жуковскій, можетъ быть выражена старинной формулой: *à chacun selon ses œuvres*. Можетъ быть, г. Жуковскій желаетъ ее замѣнить другой, тоже старинной формулой: *à chacun selon ses besoins?* Можетъ быть, онъ не прочь, при случаѣ, опять «человѣколюбивыя» сочиненія писать? Можетъ быть, онъ просто сболтнулся? Неизвѣстно; ибо, намекнувъ, что имѣть въ запасѣ такой удивительный секретъ, который можетъ побить даже его самого, г. Жуковскаго, со всѣми его апологіями, намекнувъ на этотъ секретъ, ученый критикъ скрылся въ облакахъ...

Но пока что, а на лицо мы имѣемъ все таки только непоколебимую апологію. Не будемъ пытаться обнайти необычное, не станемъ пробовать колебать непоколебимое. Посмотримъ только на научно-подобный антуражъ воздвигнутой гг. фон-Зибелемъ и Жуковскимъ крѣпости.

Зибель, какъ человѣкъ вполнѣ откровенный, наивный и ясный, очень просто объяснилъ, что психический трудъ инженера, техника и проч., не играетъ роли самостоятельного фактора производства; по отношенію къ созданию прибыли, онъ — такой же трудъ, какъ и трудъ физический; новымъ, упущенными Марксомъ изъ виду факторомъ онъ признаетъ психический трудъ только верховнаго заправителя и организатора всего производства. творца цѣли, проницательный взоръ котораго слѣдить за состояніемъ рынка и проч. Расширившися аргументацію Зибеля, г. Жуковскій лишилъ себя возможности различить эти два вида психического труда, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они существуютъ и требуютъ объясненія ихъ взаимныхъ отношеній. Такимъ образомъ, преимущество широты остается за русскими учеными, но преимущество ясности должно быть предоставлено его германскому собрату. Послѣдний, напримѣръ, очень ясно вводить спекулянта въ общія скобки психического труда, съ тѣмъ, однако, непреимущественнымъ условиемъ, чтобы онъ производилъ спекуляцию за свой собственный счетъ, ибо, напримѣръ, биржевой агентъ, исполняющій только черную долю психического труда спекуляціи, есть лишь наемный слуга. Въ системѣ же г. Жуковскаго мѣсто спекулянта далеко неопределено, равно какъ и вообще отношенія между чернымъ и бѣлымъ трудомъ. Допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ г. Жуковскимъ, что физический трудъ есть трудъ черный, а психический — бѣлый. Но, къ сожалѣнію, это весьма мало подвигаетъ насъ впередъ, потому

что область психического труда далеко не однородна. съ экономической точки зрения и въ ней повторяются рѣшительно тѣ же отношения, какія существуютъ между организующими и организуемыми классами. Есть у насъ поэтъ-издатель г. Гербель, занимающійся составленіемъ и изданіемъ стихотворныхъ сборниковъ. Пользуясь правомъ печатать чужія произведенія въ размѣрѣ, не превышающемъ одного печатного листа, г. Гербель снимаетъ сливки со всей отечественной поэзіи, продавая въ свою пользу чужой поэтическій трудъ и ни копейки не платя настоящимъ авторамъ. Г. Жуковскій долженъ оказаться въ большомъ затрудненіи передъ этимъ фактомъ. Съ одной стороны, онъ долженъ признать, что г. Гербель есть организаторъ, сбывающій своимъ психическимъ трудомъ цѣнность стихотворному сборнику, поэты же суть не болѣе, какъ организуемые, а потому въ созданіи прибыли участвуютъ столь же мало, какъ рычагъ въ поднатіи тяжести. Но, съ другой стороны, эти поэты суть несомнѣнныи представители психического труда, уже признанного организующими началомъ вообще. Какъ тутъ быть? Скажутъ, можетъ быть, что операциіи г. Гербеля представляютъ нечто исключительное и сюда неподходящее, потому что этотъ поэтъ спекулянтъ не даетъ своимъ невольнымъ сотрудникамъ заработной платы, получаемой каждымъ фабричнымъ работникомъ отъ своего хозяина. Хорошо. Возьмемъ другой примѣръ. Возьмемъ изданіе журнала, возьмемъ дѣятельность самого г. Жуковскаго. Согласимся, что хоть бы та же его статья о Марксе есть плодъ большой учености, что, могущественно вліяя на умы читателей «Вѣстника Европы», статья эта несомнѣнно принадлежитъ представителю организующихъ классовъ, создающимъ своимъ психическимъ трудомъ новыя цѣнности. Но, въ то же время, мы должны признать, что г. Жуковскій есть чистый гвоздь, къ которому г. Стасюлевичъ, въ качествѣ предпринимателя и организатора, пристегиваетъ лишній итогъ силы. Г. Жуковскій есть, поэтому, не организующій, а организуемый представитель психического труда; и въ созданіи прибыли, доставляемой «Вѣстникомъ Европы», ни онъ, ни другие сотрудники не принимаютъ ни малѣшаго участія; вся она суть плодъ психического труда г. Стасюлевича. А если представить себѣ — что очень возможно — что на мѣстѣ г. Стасюлевича сидѣть, въ качествѣ издателя, человѣкъ даже малограмматный, но обладающій средствами и известной ловкостью, то относительное значеніе различныхъ видовъ психического труда и совсѣмъ спутается. Если, кромѣ литературной дѣятельности, г. Жуковскій служить въ какой-нибудь канцеляріи, то, несмотря на все свое психическое великолѣпіе, онъ — вдвойной гвоздь. А если у него хватаетъ досуга и знаній для занятій въ качествѣ техника на какой-нибудь фабрикѣ, то онъ — и еще разъ гвоздь, по которому бьетъ молоткомъ фабриканть, быть можетъ, совершенно неизвѣстственный. Изъ этого видно, что сочинять новые факторы про-

изводства, дотолѣ скрываемыи отъ экономическихъ писателей, совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется. Почему г. Жуковскій, обладай онъ достаточными техническими знаніями, можетъ оказаться рычагомъ, заправляемымъ фабрикантомъ? По той простой причинѣ, что фабриканть этотъ есть представитель капитала, а вовсе не новоявленного психического труда. Безъ капитала онъ бы былъ въ числѣ организуемыхъ, какъ и г. Жуковскій и послѣдній поденщикъ, тогда какъ теперь ему не требуется ни знанія, ни даже организаторской способности: онъ можетъ нанять подручныхъ организаторовъ и специалистовъ. Точно также и землевладѣлецъ получаетъ ренту отнюдь не потому, чтобы онъ психическимъ трудомъ занимался, а просто потому, что онъ — землевладѣлецъ. Напротивъ, доходъ наемнаго агронома-управляющаго, какъ бы послѣдній ни былъ свѣдущъ и дѣятеленъ, будетъ заработной платой и будетъ управляться ея законами. Наконецъ, самъ психический трудъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заслуживаетъ этого имени, даетъ продуктъ, обусловленный не однимъ, а тремя факторами: природною способностью, знаніемъ и собственно трудомъ, то есть текущей тратой силы. А эти факторы открыты задолго до 1 сентября 1877 года. Дѣйствительно, до этого рокового числа, всѣ экономисты единогласно признавали, что производство требуетъ участія: во-первыхъ, силы природы (природная способность), во-вторыхъ—средствъ производства, орудій (знаніе), и, наконецъ, въ-третьихъ—труда (собственно психический трудъ). На эти три давно извѣстные фактора разваливается такимъ образомъ и пресловутый психический трудъ, отнюдь, следовательно, не составляющій фактора самостоятельнаго. Слѣдуетъ также замѣтить, что отсутствіе психического труда въ организуемыхъ классахъ есть изобрѣтеніе гг. Зибеля и Жуковскаго. Первый пожелалъ въ этомъ отношеніи опереться на критикуемаго имъ писателя. Но онъ имѣлъ осторожность привести только первую половину цитируемаго имъ мѣста изъ «Капитала». Вторая половина гласить такъ: «Кромѣ напряженія тѣхъ органовъ, которые работаютъ, требуется еще глыбообразная воля, проявляющаяся во все продолженіе процесса труда въ формѣ вниманія; и такого вниманія требуется тѣль болѣе, чѣмъ менѣе трудъ, по своему содержанію и по способамъ своего исполненія, увлекаетъ работника; чѣмъ менѣе посмотру, можетъ работникъ наслаждаться имъ, какъ свободною игрою своихъ собственныхъ тѣлесныхъ и умственныхъ силъ». Это вниманіе не мѣшало бы принять во вниманіе и г. Жуковскому при анализѣ психическихъ факторовъ производства. А, кромѣ того, если трудъ организаціи чужого труда есть трудъ, подлежащій высокой оцѣнкѣ, то вѣдь быть организуемымъ тоже не легко, тоже требуетъ значительной психической затраты.

Итакъ, измышленный г. Жуковскимъ психический трудъ, какъ творецъ прибыли, есть карточный домикъ, распадающійся отъ одного дуновенія. Ни съ точки зренія производства, ни съ точ-

ки зрѣнія распределенія, ни съ точки зрѣнія теоріи, ни съ точки зрѣнія практики—самостоятельного значенія онъ не имѣть, а, разлагаясь на свои составные части, расплывается, утопаетъ въ старыхъ истинахъ науки, какъ бы его и не было. Къ одной изъ такихъ старыхъ истинъ мы теперь и перейдемъ.

Есть въ работѣ г. Жуковскаго одна особенность, лучше сказать, одинъ проблѣмъ, рѣзко отличающій его отъ всѣхъ критиковъ Маркса. На этомъ единственномъ пунктѣ нашъ критикъ является вполнѣ оригинальнымъ, не въ большой, впрочемъ, своей части. Г. Жуковскій старательно занился обозрѣваниемъ отношеній Маркса къ гегелевской философіи, хотя въ такой ужъ старательности, какъ мы видѣли, особенной надобности не предстоило. Гораздо менѣе занился онъ отношеніями Маркса къ другимъ «саягвникамъ», но все-таки, по крайней мѣрѣ, упомянулъ о нихъ. Но отношенія Маркса къ экономистамъ онъ опустилъ совсѣмъ, не сказать о нихъ ни слова. Это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что въ старые годы г. Жуковскій каждого экономического писателя, такъ сказать, провѣрялъ классиками и не могъ написать ни одной статьи безъ размышеній объ Адамѣ Смитѣ и Рикардо. Почему же у него вдругъ пропала охота начинать съ Адамомъ? Почему она пропала именно теперь, и именно по отношению къ Марксу, которого всѣ критики, благорасположенные и враждебные, одинаково стараются привести въ преемственную связь съ этимъ самыемъ Адамомъ, то есть Адамомъ Смитомъ и Рикардо? Собственно говоря, впрочемъ, тутъ нѣчего и стараться, потому что преемственная связь несомнѣнна и ее не надо разыскивать, исходитьвать, но необходимо указать. Дѣло представляется вотъ въ какомъ видѣ. Въ то время, когда, какъ повѣствуетъ и г. Жуковскій, народилась политическая экономія, она занималась анализомъ материальныхъ условій производства и экономическихъ отношеній, по возможности, независимо отъ юридическихъ формъ. Это и было время, между прочими, Адама Смита и Рикардо. Съ течениемъ времени, въ рукахъ послѣдующихъ экономистовъ, этотъ анализъ осложнился идолопоклонствомъ передъ данными формами общественности, задатки которого имѣлись уже и въ классикахъ, вслѣдствіе чего вульгарная экономія продолжала ихъ считать своими отцами. Тутъ подоспѣли сангвиники, и некоторые изъ нихъ, вторгшись въ область науки права съ экономической точки зрѣнія, ухватились за кое-какія положенія классиковъ. Самая возможность такого факта показывала, что Адамъ Смитъ и Рикардо не совсѣмъ годятся въ отцы идолопоклонникамъ данныхъ формъ общественности, т. е. позднѣйшимъ экономистамъ. Они не замедлили поэтому начать отреченіе отъ нихъ, а когда Марксъ явился со своими логическими выводами изъ некоторыхъ положеній классической экономіи и дальнѣйшей ихъ разработкою, то отреченіе произошло полное и торжественное. Нѣтъ поэтому ничего удивительного въ стремленіи критиковъ Маркса опредѣлить его

мѣсто въ ряду экономистовъ вообще и его отношенія къ Адаму Смиту и Рикардо въ особенности. Сторонники Маркса видѣли въ этой преемственности залогъ силы, независимо отъ его собственной убѣдительности. И вотъ почему, напримѣръ, у насъ г. Зиберъ старался прославить эту связь въ своей диссертациѣ и предпринялъ, въ сожалѣніи, пріостановившейся на первомъ выпускѣ переводъ сочиненій Рикардо. Противники Маркса опять-таки понимали всю выгоду насажденія установившихся авторитетовъ Смита и Рикардо, отродьемъ которыхъ является Марксъ. Мы и видимъ, что все они, по поводу Маркса, напали на классиковъ. Такъ поступилъ, напримѣръ, Лавеле (въ «Revue des deux Mondes»), Рессельеръ, такъ поступилъ даже Зибелъ, такъ поступилъ у насъ г. Бунге въ разборѣ книги г. Чупрова о желѣзно-дорожномъ хозяйствѣ (разборъ этотъ былъ напечатанъ въ томъ же «Вѣстникѣ Европы»). А г. Жуковскій, когда-то прожживавшій всѣмъ уши Адамомъ Смитомъ и Рикардо, молчитъ! Нѣть дѣйствія безъ причины, нѣть даже умолчанія, то есть бездѣствія, безъ причины. Есть она и на этотъ разъ.

Долженъ я сознаться, что относительно сей часъ въ нѣсколькохъ словахъ разсказанной исторіи экономическихъ доктринъ г. Жуковскій имѣть нѣкоторое право сказать мнѣ не безъ горечи: моимъ же добромъ, да мнѣ же челомъ! Дѣйствительно, были у насъ два писателя, очень охотно рассказывавшіе, какъ и почему экономисты сначала носились съ Адамомъ Смитомъ и Рикардо, а потомъ стали отъ нихъ отрекаться. Рассказы эти составляютъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ исторіи нашей экономической литературы. Одинъ разсказывалъ талантливо, живо и ясно, другой — старателльно, тажеловѣсно и сухо. Этотъ другой былъ г. Жуковскій, и я у него (не у одного него, конечно) кое-чему научился; настолько научился, что теперь очень хорошо понимаю, почему г. Жуковскій отступилъ отъ своего Адама. Дѣло объясняется исключительнымъ положеніемъ нашего критика. Основная нить, связывающая Маркса съ классиками, состоять въ положеніи, что источникъ и мѣрило цѣнности есть трудъ. Это — тезисъ чисто научный, теоретический, достаточно разработанный, чтобы была какая-нибудь надобность его здѣсь доказывать. Читатель можетъ обратиться за доказательствами въ русской литературѣ къ Марксу, къ Миллю, въ переводе Рикардо, въ диссертациї Зибера, въ прежнимъ статьямъ г. Жуковскаго, где этотъ тезисъ облюбованъ таль многократно и таль усердно, что теперь остатокъ конфузности мѣшаеть г. Жуковскому отнестиць къ классикамъ съ тою развязностью, съ которой онъ относится къ Марксу. Слишкомъ связанный на этомъ пунктѣ своимъ прошедшимъ (*le mort saisit le vif*), онъ предпочитаетъ молчать. Въ одномъ, въ двухъ мѣстахъ, по частнымъ и второстепеннымъ вопросамъ, онъ даже какъ будто защищаетъ Смита и Рикардо отъ нападений Маркса, тѣмъ самимъ усугубляя свою вину передъ несвѣдущими читателями, которые и въ самомъ

дѣлъ могутъ подумать, что между классиками и Марксомъ нѣть ничего общаго. Г. Жуковскому весьма выгодно оставить читателей въ этомъ заблужденіи. Объ классикахъ онъ говоритъ, что они занимались только изученіемъ материальныхъ условій производства, а, слѣдовательно, если Марксъ есть ихъ преемникъ, таѣтъ, значитъ, и онъ не обходить этого изученія. Но вѣдь г. Жуковскій сказалъ, что «обходить при помощи формального приема»... И такъ, одна неправда родить другую. Притомъ же, обратиться къ классикамъ значитъ занести ножъ надъ «психическими трудами», этими Венiamиномъ, этими младшими, послѣдними и любимыми дѣтищемъ...

Обойдя отношенія Маркса къ классикамъ, обойди самое упоминаніе о послѣднихъ, г. Жуковскій не обошелъ, однако, измѣны этимъ когда-то имъ столь чтимымъ Адаму Смиту и Рикардо. Такъ не обошелся и безъ другихъ измѣнъ, не нѣющіхъ, къ сожалѣнію, характера откровенности, откровенного и публичнаго признанія своихъ прежнихъ взглядовъ заблужденіями. Такъ, напримѣръ, возражая Марксу, что источникомъ прибавочной цѣнности можетъ служить не только трудъ, а и дерево, земля, сѣять, онъ возражаетъ собственно не Марксу, а Рикардо, хотя и не упоминаетъ объ этомъ. Посмотримъ только на приемы его ратоборства съ самимъ Марксомъ. Дѣло идетъ о прибавочной цѣнности, теорію которой можно пояснить въ нѣсколькихъ словахъ. Источникъ и мѣрило цѣнности есть трудъ, такъ что вещи обмѣниваются въ пропорціяхъ израсходованного на нихъ производство труда. Поступая на рынокъ, трудъ и самъ обращается въ вещь, въ товаръ, цѣнность которого опредѣляется опять-таки трудомъ же, именно тѣмъ количествомъ труда, тѣмъ числомъ рабочихъ часовъ или дней, которое нужно для производства содержания работнику на время работы. Это содержание рабочий и получаетъ въ видѣ заработной платы. Положимъ, что содержание его разнется шести рабочими часами. Слѣдовательно, проработавъ шесть часовъ, работникъ окупилъ свое содержаніе, наработавъ столько же, сколько истратилъ на себя. Въ слѣдующую за тѣмъ часть рабочаго дня, напримѣръ, еще шесть часовъ, онъ уже производить прибавочную цѣнность, которая достается капиталисту. Такова, въ самомъ общемъ и элементарномъ видѣ, теорія прибавочной цѣнности. Г. Жуковскій желаетъ ее опровергнуть. Онъ никако не уподобляется при этомъ льву, храбро нападающему, въ надеждѣ на свою силу, на живую добычу. Нѣть, подобно льву, онъ выбираетъ своего рода падаль — нѣчто, очевидно, беззащитное, подлежащее не нападенію, а только пользованію. Онъ именно довольно долго останавливается на одновременномъ разсчетѣ Маркса, переворачиваетъ его на разные лады и нѣоднозначно отвергаетъ. Иной читатель можетъ подумать, что г. Жуковскій и впрямь совершилъ тутъ нѣчто, особенно, если не заглянуть въ Маркса, а это тѣмъѣвѣроятнѣе, что критикъ вообще не указываетъ страницъ, содержащихъ критикуемыя имъ иѣста.

Но, если читатель разыщетъ расчѣтъ у самого Маркса, то увидѣть, что Марксы, какъ бы предвидѣ степень силы и мужества г. Жуковскаго, въ вѣкоторомъ родѣ подарили ему этотъ расчѣтъ. Въ примѣчаніи на стр. 165 читаемъ: «приведенные нами расчисленія имѣютъ значеніе только какъ иллюстраціи къ предыдущему изложению». Такъ оговорилъ Марксы примириное, условное, пояснительное значеніе расчѣта, на коемъ наложилъ дешевые лавры г. Жуковскому, совершиенно минуя все «предыдущее изложение», къ которому онъ долженъ бы былъ обратиться по указанію самого Маркса.

Дальнѣйшая аргументація г. Жуковскаго сводится, собственно говоря, къ двумъ софизмамъ, изъ которыхъ на первый мы взглянемъ только съ точки зренія добросовѣстности аргументатора. Онъ разсуждаетъ такъ. Работникъ, положимъ предильщикъ оплачиваетъ свое содержаніе въ шесть часовъ. Однако, таѣтъ ли это? Вѣдь онъ наработалъ столько же потому только, что онъ работалъ, а потому, что ему помогали въ работе орудія готовые и сырой матеріалъ. «Самъ по себѣ, глубокомысленно замѣтаетъ критикъ:—безъ этихъ орудій онъ произвелъ бы вовсе не то же количество пряжи». Выводъ отсюда понятенъ. Мы замѣтимъ только, въ утѣшніе г. Жуковскаго, что бѣзъ хлопка и орудій предильщикъ не произвелъ бы даже ровно ничего и даже не былъ бы предильщикомъ. Но мы спросимъ также: что произвѣль бы любой «психическій трудъ» безъ сырого матеріала, капитала и другихъ орудій и труда физическаго? Прибавимъ еще, что, если г. Жуковскій, между прочимъ, обратится къ главѣ о постоянномъ и перемѣнномъ капиталѣ (, которой онъ тоже—ни гу-гу), то найдеть разъясненіе многихъ своихъ недоразумѣній. Любопытнѣе второй софизмъ, повидимому, очень понравившійся одному недальновидному газетному рецензенту. Невѣрно, говорить г. Жуковскій, чтобы каждый работникъ отрабатывалъ свое содержаніе въ шесть часовъ. Еслибы это было такъ, то прямая выгода капиталиста состояла бы въ безконечномъ увеличеніи числа рабочихъ, между тѣмъ какъ мы знаемъ, что такое бесконечное увеличеніе отнюдь невыгодно. Во всякомъ производствѣ наступаетъ такой моментъ, когда всякий новый рабочій приносить все меньшую и меньшую выгоду хозяину, которому, следовательно, разсчетъ напинать новыхъ работниковъ только до тѣхъ поръ, пока послѣдній изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, окупаетъ свое содержаніе. Поэтому Марксы не имѣть никакого права говорить: общее количество прибавочной цѣнности равнается прибавочной цѣнности, доставляемой однимъ работникомъ, помноженной на число работниковъ. Послѣдній нанятый работникъ, работая цѣлый день, все-таки только окупить свое содержаніе; хозяинъ держитъ его только, благодаря прибыли отъ прочихъ рабочихъ. Орудія производства, такъ сказать, ни мало не оплодотворяются трудомъ этого послѣдняго рабочаго; они для него какъ бы не существуютъ, все равно какъ бы онъ работалъ

*

голыми руками. Вотъ эта-то чистая работа, эта-то независимый отъ орудій человѣческій трудъ и есть мѣра цѣнности труда. Ещѣ опредѣляетъ заработка плата. Съ замѣчательнымъ отсутствиемъ и не только «человѣкобоязія», а и здраваго смысла, г. Жуковскій спрашивается: «что бы заставило работника идти на фабрику, еслибы его трудъ, на самомъ дѣлѣ, былъ производительнѣе его рабочей платы?» Отсюда ясно, что заработка плата, оплачивающая лишь содержаніе рабочаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ оплачиваетъ его трудъ.

«Формальный» приемъ, которымъ г. Жуковскій доходитъ до такого заключенія, заимствованъ имъ у Рикардо, хотя послѣдній употребилъ его въ совсѣмъ другомъ, гораздо болѣе умѣстномъ случаѣ, именно вотъ въ какомъ. Дано известная страна съ весьма разнообразными, по степени плодородія, участками земли. Первые поселенцы, естественно, занимаютъ лучшія земли. Затѣмъ, когда народонаселеніе увеличится, явится надобность или заняться обработкой второго сорта земель, или заплатить владельцамъ лучшихъ участковъ известную сумму за право пользованія ихъ землями. Дальнѣйшій процессъ таковъ, что и владельцы второго сорта участковъ отдадутъ свои земли въ наемъ, а тамъ—и третьаго и т. д. Эта плата за пользованіе даровой помощью природы и есть рента, которая, очевидно, опредѣляется для каждого сорта земель разницей между доходомъ съ неї и доходомъ (при прочихъ равныхъ условіяхъ) съ наиболѣе худшихъ, послѣднихъ воздѣлываемыхъ земель, которыхъ ренты не даются. Эту естественную убывающую градацию производительности земель г. Жуковскій, въ качествѣ дѣйствительно чисто-формального приема, перенесъ на разясненіе отношеній труда къ прибыли. На послѣднемъ изъ воздѣлываемыхъ земель работникъ не создаетъ ренты, а только окупаетъ свое содержаніе. Точно также, разсуждаетъ г. Жуковскій: — послѣдній занятый фабричный рабочій не создаетъ прибыли, а только окупаетъ свое содержаніе. Но дѣло въ томъ, что, въ случаѣ ренты, мы имѣемъ дѣйствительныя различія въ плодородіи земель, тогда какъ послѣдній фабричный рабочій есть миѳъ. Тутъ нѣтъ ни первыхъ, ни послѣднихъ, съ точки зрѣнія производительности—всѣ работаютъ одинаково и тѣми же орудіями и надѣю одинакомъ и тѣмъ же сырьемъ материаломъ. А потому и всѣ выводы, основанные на предположеніи несуществующаго въ дѣйствительности и логически невозможнаго послѣднаго работника, не имѣютъ никакого смысла. Послѣдній участокъ земли, дѣйствительно, ренты не даетъ, но послѣдній фабричный рабочій рѣшительно въ такой же мѣрѣ создаетъ прибыль, какъ и первый. Поэтому, Марксъ имѣлъ полное право сказать, что общая прибавочная цѣнность равняется прибавочной цѣнности одного работника, помноженной на число занятыхъ работниковъ.

Вопросъ о рентѣ опять невольно напоминаетъ то неособенно далекое прошлое, когда г. Жуковскій любилъ начинать съ Ада-

ма. Вопросъ этотъ составлялъ его излюбленѣйшую тему, и рѣшалъ онъ ею, конечно, не въ томъ несообразномъ смыслѣ, что рента дается психическимъ трудомъ организаціи физического труда. Слѣдя Рикардо, онъ объяснялъ ренту просто разницей въ количествахъ труда, необходимаго для обработки земель различного достоинства. Выразившуюся въ этомъ объясненіи характерную точку зрѣнія классической экономіи г. Жуковскій нынѣ отбросилъ. Это—его дѣло. Имѣть онъ, значитъ, для этого свои резоны и выгоды. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ право ставить въ исключительную вину или заслугу Маркса то, что принадлежитъ вовсе не одному ему. Марксъ не съ неба свалился. Онъ выросъ на почвѣ установившейся науки, съ одной стороны, на почвѣ извѣстныхъ общественныхъ стремлений — съ другой. Отрывая его отъ предшествующей науки, г. Жуковскій лишаетъ читателя возможности оцѣнить, до какой степени многія положенія Маркса стоять прочно, до какой степени они научны, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было практическихъ выводовъ. Чтобы не далеко ходить, разверните, напримѣръ, 467 страницу I тома «Основаній» Милля, ученаго, спокойнаго, хотя и либеральнаго Милля. Тамъ вы найдете большой задатокъ марковской прибавочной цѣнности: «Причина прибыли та, что трудъ производить больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческий капиталъ даетъ прибыль потому, что люди могутъ производить пищи больше, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе въ то время, пока ростетъ пища... Изъ этого слѣдуетъ, что, если капиталисты возьмется кормить работниковъ на условіи получать продуктъ, то, кроме возвращенія своей затраты, онъ получить еще нѣсколько лишняго». И т. д. Ничего не говоря о положеніи Маркса среди экономистовъ, г. Жуковскій утверждаетъ, что подобная вещь можетъ говорить только формалистъ и апологетъ. Помилуйте, какой же Милль апологетъ! А люди слушаютъ, да ротъ разѣваютъ. Рецензенты двухъ большихъ газетъ были поражены единовременнымъ появлениемъ на страницахъ «Вѣстника Европы» статей гг. Жуковскаго и Блюха. Одинъ прямо поставилъ въ вину почтенному журналу эту профанацию имени г. Жуковскаго. Другой, расхваливъ (по очевидному недорѣзу) Жуковскаго, накинулъ на Блюха. Между тѣмъ, какъ вся разница въ томъ, что г. Блюхъ призываетъ читателей на поклонъ передъ психическимъ трудомъ железнодорожныхъ концессіонеровъ, а г. Жуковскій развиваетъ и обобщаетъ этотъ призывъ. Это—съ точки зрѣнія апологіи. Съ точки зрѣнія науки, разница, конечно, большая. Но для обоихъ все-таки одинаково не существуетъ тогъ Адамъ, съ котораго г. Жуковскій прежде любилъ начинать. Поэтому, тѣ, кто смотрѣтъ на г. Жуковскаго только по старой памяти, должны знать, что теперь онъ во всѣхъ смыслахъ—не тотъ. Это должны знать и врачи, и друзья прежней литературной его дѣятельности.

Чувствуя нѣкоторую разбросанность предлагаемой статьи и

жала обратить внимание на минимумъ прогрѣшений г. Жуковскаго противъ правды, я приглашаю читателя сосредоточиться на слѣдующихъ пунктахъ:

1) Отношеніе Маркса къ формамъ собственности діаметрально противоположно ихъ изображенію у г. Жуковскаго.

2) Показаніе, что Марксъ обходить изслѣдованіе материальныхъ условій производства и не принимаетъ въ соображеніе уровня развития работника, опять-таки діаметрально противоположно истинѣ.

3) Въ частности, процессъ обобществленія труда, которому Марксъ придаетъ огромное значеніе, скрыть отъ читателей «Вѣстника Европы».

4) Точно также скрыты отношенія Маркса къ классической политической экономіи, то есть къ Адаму Смиту и Рикардо.

5) «Психический трудъ», какъ единственный создатель прибыли (силы природы подразумѣваются), есть безпородочный конгломератъ и ничего цѣльного и самостоятельнаго собою не представляетъ ни въ производствѣ, ни въ распределеніи.

Всего этого, даже оставляя въ сторонѣ разныя забавности, въ родѣ феноменальности явленія и формального значенія битка, совершенно достаточно, чтобы читатель «Вѣстника Европы» получилъ о Марксе понятіе отчасти неполное, а отчасти совершенно иавращеніе. Конечно, не этимъ способомъ разрушаются авторитеты. Всегда, разумѣется, найдутся ротозѣи, которые увидятъ «вѣсость» и «солидарность» въ самой вздорной и недобросовѣстной критикѣ, если только въ ней есть «жупели» quasi-учености. Статья г. Жуковскаго именно на такихъ ротозѣевъ рассчитана.

Н. М.